

Н.В. Сильченко

ЗАКОН

проблемы
этимологии
социологии
и логики

ББК67

С36 УДК 340.1

Р е ц е н з е н т ы:

д-р юрид. наук Д. А. Г а в р и л е н к о,

д-р юрид. наук А. А. Г о л о в к о,

канд. филос. наук В. Н. В а т ы л ь

Сильченко Н. В.

С 36 Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики / Под ред. С. Ф. Сокола.—
Мн.: Навука і тэхніка, 1993.— 119 с. ISBN 5-343-01234-5.

Рассматриваются практически не исследованные в юридической литературе вопросы этимологии слова «закон». Детальному анализу подвергается проблема соотношения социальной закономерности и юридического закона. Исследуется механизм перевода противоречивой социальной действительности в логически непротиворечивый юридический закон.

Рассчитана на юристов, социологов, философов, интересующихся проблемами теории закона, повышением верховенства закона в регулировании общественных отношений.

1201000000—037

C-----22—93

ББК 67

М 316(03)—93

ISBN 5-343-01234-5

© Н. В. Сильченко, 1993

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы теории и практики верховенства закона, всегда привлекавшие внимание исследователей, приобретают особое значение во времена коренных преобразований в правовой системе. При этом многие, казалось бы, хорошо изученные вопросы выясняются новыми, совершенно неожиданными сторонами. Возникают другие, ранее неизвестные науке проблемы, требующие концептуального осмысливания.

Анализ современного состояния теоретических представлений по вопросам верховенства закона приводит к выводу о том, что требуется выход на иной уровень понимания как самой сущности верховенства закона, так и всех тесно связанных с ней теоретических и практических вопросов.

Время, когда реформируется вся система законодательства, есть лучший способ проверки на жизнеспособность теоретических идей и практических рекомендаций, разработанных юридической наукой. Практика законотворчества свидетельствует о том, что многие теоретические конструкции, предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства оказались далекими от реальных проблем правовой системы и поэтому остались невостребованными в законотворческом процессе.

Сейчас все более становится очевидным, что уже недостаточно сводить (привязывать) проблематику верховенства закона к особому положению представительных органов власти в системе органов государства, высшей юридической силе закона, соответствию ему подзаконных актов и общеобязательности закона для всех государственных органов, должностных лиц и граждан.

Курс на создание правового государства, коренные преобразования всей правовой системы, последовательное разделение законодательной, исполнительной и судебной властей теоретически и практически означают, что сложившаяся ранее концепция верховенства закона требует не косметического ремонта, а существенного пересмотра. Речь по сути идет о том, что перед юридической наукой встает задача выработать на смену ранее сложившейся системе взглядов на верховенство закона новую концепцию, отвечающую современным реальностям государственно-правового строительства. Надо в новых условиях найти такие узловые точки опоры в концепции верховенства закона, которые бы, с одной стороны, удерживали ранее накопленные и не потерявшие своей значимости знания по данной проблематике, а с другой — отвечали вновь возникающим правовым реальностям.

Замысел настоящего исследования состоит в том, чтобы выйти за чисто

формальные параметры в понимании верховенства закона, найти такие социологические, гносеологические, логико-этимологические и другие начала, которые в их совокупности лежат в основе особого положения закона в системе нормативно-правовых актов и иных источников права. Сделать это можно различными путями. В работе избран путь «от обратного». Суть его состоит в том, чтобы показать то, что не подвластно законодателю и не может быть подвергнуто регулированию со стороны закона. Такой способ позволяет наиболее рельефно и точно обозначить возможности законодателя, а следовательно, и закона в воздействии на закономерности общественных отношений, устранение противоречий в социальных процессах. Он позволяет взвесить также возможности законодателя в регулировании социальных процессов по сравнению с иными субъектами нормотворчества. В конечном счете только реальные возможности закона в системе иных источников права и составляют то его особое качество, которое можно именовать верховенством закона.

ГЛАВА 1

ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА «ЗАКОН»

И ОЧЕРК ИСТОРИИ ВЗГЛЯДОВ

НА СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

И ЮРИДИЧЕСКОГО ЗАКОНА

Само понятие о законе родилось скорее всего в трудовой деятельности людей и вытекающих из нее общественных отношениях. Прежде чем дойти до обобщенного сознания законов, управляющих развитием природы и общества, человек научился осознавать закон более узко — как определенное правило поведения людей в обществе, установленное чьей-либо сознательной волей или как повторяемость явлений природы¹.

Греческое слово «помос (закон) — первоначально означало «пастбище», позднее — «местопребывание, мес-тожительство», «раздел земли». В VI в. под законами стали понимать правила общественного поведения (обычаи, нравы и т. д.). Авторитет законов основывался на унаследовании их от ряда предков как результат мудрого опыта, придававшего нормам характер естественности, неизменности.

Римское «Iex» происходит от корня слова, обозначающего «связывать», «обязывать», или от слова «читать», «проводглашать». Так или иначе значение его указывает на внешний, более принудительный характер, чем у греков. Большая принудительность значения римского «Iex» скорее всего обусловлена тем, что этот термин обозначал акты, исходящие от органов политической публичной власти, а не сложившиеся эволюционным путем древние обычай и традиции. Первоначальные правовые представления в Древнем Риме носили теономный характер, а право понималось как божественные веления обозначалось термином «fas»². Светское, в том числе и обычное, человеческое, право в отличие от божественного имело термин «jus», термин же «Iex» использовался для обозначения лишь одного из источников позитивного права³, т. е. права, исходящего от органов политической власти. Учитывая то, что в древности правовые акты,

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1907. С. 50.

² Латинская юридическая фразеология. М., 1979. С. 87.

³ Несесянц В. С. Право и закон. М, 1983. С. 133.

исходящие от органов государственной власти, провозглашались, как правило, публично и приобретали после этого общеобязательное значение, термин «Лех» может быть переведен как «публичное (официальное) обязывание».

Еще более принудительное, чем у римлян, значение слово «закон» получило у древних евреев. Связано это было с тем, что оно использовалось для обозначения религиозных установлений. Библейские книги, жреческий кодекс так и именовали — «Закон Моисея»⁴. Таким образом, термин «закон» у древних евреев был тождественно религиозным повелениям. П. А. Флоренский считал, что для древнего еврея непреложный и неизменный «закон» есть то, чем в Библии представляется Истина: «Истинность для него — всегда было слово Божие. Неотменяемость этого Божиего обетования, верность его, надежность его — вот то, что для еврея характеризовало его в качестве Истины. Истина — это Надежность»⁵.

Особая принудительность слова «закон» у древних евреев основывалась на представлении о том, что божественное веление выше власти царя. Власть царя является силой, которая с самого начала ограничена, потому что она, во-первых, связана божественным законом, а во-вторых, призвана к реализации этого закона⁶.

Немалый интерес представляет этимология русского слова «закон». В. Даль его толкует так: «Закон — это то, чем дело закончено, предел, поставленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти»⁷. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова под словом «закон» понимается: 1) связь и взаимозависимость каких-нибудь явлений объективной действительности; 2) постановление государственной власти; 3) общеобязательное правило, то, что признается обязательным⁸.

Более подробное объяснение происхождения и содержания юридического термина «закон» дают С. С. Алексеев и Е. А. Лукьянова⁹. Известно, что основные

⁴ Лопухин А. П. Законодательство Моисея. СПб., 1882. С. 17.

⁵ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М., 1990. С. 21.

⁶ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 188.

⁷ Даль В. Толковый словарь. Т. 1. М., 1989. С. 588—589. в

⁸ Ожегов С. Н. Словарь русского языка. М., 1984. С. 179.

⁹ Алексеев С. С. Азбука закона. Свердловск, 1982. С. 4; Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М., 1988. С. 24.

юридические документы, издававшиеся князьями Древней Руси, именовались «уставами», «грамотами», «судебниками», «уроками», «правдами». Вместе с тем использовался и термин «закон». О «законе русском» говорится в договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками. Анализируя этот факт, С. С. Алексеев и Е. А. Лукьянова полагают, что под законом в этих договорах понимались строгие русские обычаи, неписанные, непререкаемые традиции¹⁰.

Своеобразна точка зрения, высказанная по данному вопросу А. С. Пиголкиным. Правильно подчеркивая, на наш взгляд, то обстоятельство, что слово «закон» в Древней Руси не имело смысловой специализации, он приходит в то же время к выводу о том, что данным термином «...обозначалась вся правовая система, основанная на обычаях»¹¹. Позиция, занятая А. С. Пиголкиным в части выводов, ставит по сути дела знак равенства между его точкой зрения и мнением С. С. Алексеева и Е. А. Лукьяновой.

Представляется, что этимологическое толкование слова «закон», данное С. С. Алексеевым, Е. А. Лукьяновой и А. С. Пиголкиным, является далеко не полным, а потому и не совсем точным. Скорее всего термин «закон» в договорах, заключаемых князьями Древней Руси с греками, был собирательным, т. е. обозначал понятие, включавшее в себя кроме правовых по своему содержанию обычая и традиций и религиозные нормы и те акты, которые издавали князья, реализуя свои властные полномочия.

По договору, заключенному русским князем Игорем с греками в 944 г., предусматривалась такая процедура, как клятва. Причем русские, равно как и греки, должны были исполнять ее каждый по своему закону. Поскольку в то время среди русских были как христиане, так и язычники, то каждый из них должен был клясться по своему закону — либо христианскому, либо языческому. Представляет в этой связи интерес процедура присяги (по современной терминологии — ратификации), которую русские во главе с князем Игорем давали на верность заключенному с греками договору.

¹⁰ Алексеев С. С. Азбука закона. С. 4; Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. С. 24.

¹¹ Пиголкин А. С. Язык закона. М., 1990. С. 44.

Русский историк С. М. Соловьев описывает ее так: «На другое утро он (Игорь. — Н. С.) призвал послов и повел их на холм, где стоял Перун, здесь русские поклали оружие свое, щиты, золото, и таким образом присягал Игорь и все люди его, сколько было некрещеной руси; христиан же приводили к присяге в церкви св. Илии — это была соборная церковь, потому что многие варяги уже были христиане. Игорь отпустил послов, одарив их мехами, рабами, воском»¹².

Таким образом, на момент заключения договоров с греками система нормативного регулирования общественных отношений в Древней Руси включала не только обычай и традиции, но и религиозные нормы и правила, без учета которых в заключаемых князьями договорах трудно представить себе механизм их выполнения и реализации. И если исходить из того, что под термином «закон» понимались только обычай и традиции, то из-под действия договоров русских с греками исключались бы христиане. Но ни один из известных нам договоров русских с греками каких-либо указаний на этот счет не содержит. Русь христианского вероисповедания, равно как и некрещеная русь, пользовались по данным договорам равными правами и несли равные обязанности. Следовательно, «закон русский» включал в себя как нормы поведения язычников, а в основном это были обычай и традиции, так и правила поведения русских христиан, состоящие из тех же обычай и традиций, а также из религиозных норм и правил поведения.

Важное место в системе нормативного регулирования древнего русского общества занимали нормы и правила, издаваемые (точнее — устанавливаемые) князьями. И хотя конкретных исторических данных на этот счет нет, а первым из известных источников права принято считать «Русскую Правду» Ярослава Мудрого, с теоретических позиций существование норм права, устанавливаемых князьями задолго до появления «Русской Правды», не может вызывать серьезных возражений.

Сложившаяся во времена Олега и Игоря система сбора дани требовала определенной процедуры и устанавливаемых князем норм этой дани. Самого же князя Игоря можно считать и одной из первых жертв несоблюдения установленных княжеской властью норм права.

¹² Соловьев С. М. Соч. Т. 1. М., 1988. С. 141.

Н. М. Карамзин так описывает суть конфликта князя Игоря с древлянами: «Еще недовольный взятою им данью, он вздумал отпустить войско в Киев, и с частью своей дружины возвратиться к Древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути, и сказали ему: «Князь! мы все заплатили тебе: для чего же опять идешь к нам?» Ослепленный корыстолюбием, Игорь шел далее. Тогда отчаянные древляне... убили Игоря со всею дружиною...»¹³.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что князья в Древней Руси осуществляли судебную деятельность. Принятые ими конкретные правовые решения становились источниками права, прецедентами. Ссылку на конкретные правовые решения князей можно найти в ст. 23 Краткой редакции «Русской Правды»: «А конюх старый у стада 80 гривен, яко уставил Изяслав в своем конюсе, его ж(е) убиле Доробудьци»¹⁴. Не менее важное свидетельство содержится в ст. 2 Пространной редакции «Русской Правды», которая гласит: «По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его (курсив наш.— Я. С.) уставиша»¹⁵.

Указание на княжеский судебный прецедент в более позднее, чем заключение договоров с греками, время лишь подтверждает, что прецедент как источник права широко известен в Древней Руси и, безусловно, должен охватываться понятием «закон русский», так как без него правовая система тогдашнего общества была бы полностью неработоспособна.

Нормы, издаваемые русскими князьями, в какой-то мере систематизировали древние обычаи и традиции, не меняя их содержание по существу, отчасти наполняли древние обыкновения новым содержанием, часть же норм поведения, устанавливаемых княжеской властью, не имела себе аналогов среди обычаем и традиций. Нормативная система могла нормально функционировать лишь в том случае, если все перечисленные виды правил поведения органически сливались в единое целое, дополняли друг друга.

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 118.

¹⁴ Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 64

В этой ситуации трудно предположить, что, заключая международные договоры, князья согласились бы считаться только с древними русскими обычаями и традициями и не принимали во внимание правила и нормы, изданные княжеской властью. Логичнее предположить иное. Укреплению авторитета княжеской власти могло реально способствовать такое содержание «закона русского», где наряду с обычаями и традициями, религиозными нормами и правилами по крайней мере как равные им по силе и значимости признавались и акты княжеской власти. Заключая договоры, князья тем самым как бы освящали устанавливаемые ими нормы и правила, придавая им дополнительный, международный авторитет.

Подобное толкование содержания слова «закон» оправдано и тем, что оно происходит от древнеславянского «кон», слова, которое одновременно обозначало и исходное начало и в то же время границу, предел чему-то. Профессор М. Н. Капустин не без основания, на наш взгляд, полагал, что слово «закон» по этимологическому производству означает законченную норму — от «конати»¹⁶. Но в условиях раннеклассового русского общества исходное начало и границу поведения определяли уже не только освященные вековыми привычками древние обычай и традиции, но и княжеская (по сути своей политическая) власть. И делала, она это с помощью издания общеобязательных правил поведения. Поэтому трудно предположить, что, заключая договоры с греками, русские князья, ссылаясь на «закон русский», могли говорить об исходных началах и границах поведения, в определении и установлении которых они не участвовали и в утверждении их не были заинтересованы. Наоборот, интерес князей как раз и состоял в том, чтобы усилить свою роль в регулировании общественных отношений, в определении границ возможного, дозволенного и запрещенного. Ссылаясь на признание «закона русского» греками и иными народами, а значит, и тех норм и правил поведения, которые издавались княжеской властью, русские князья не только легализовали свою законотворческую деятельность, но и смогли ее значительно усилить.

Из сказанного видно, что в Древней Руси слово «закон» как бы синтезировало то, что понималось под ним в Греции, Риме, Иудее.

¹⁶ Капустин М. Н. Теория права. Общая догматика. М., 1868. С. 139.

Не чем иным, как досадным недоразумением, следует, по-видимому, считать мнение, высказанное по вопросу о содержании русского слова «закон» В. Н. Головановым, который пришел к выводу, что данное слово в русском языке имеет корень, происхождение которого неизвестно. «По некоторым предположениям,— пишет автор,— оно возникло в связи с азартными играми и происходит от слова «кон». Закон — это то, что происходит за коном, т. е. правило, которому подчиняется игра»¹⁷. Следуя логике размышлений исследователя, надо полагать, что, заключая договоры с греками, русские князья представляли общество, не знавшее иных социальных регуляторов, кроме правил ведения азартных игр, и просто дурачили греков.

Нынешнее понимание закона как акта высшего органа законодательной власти есть следствие длительной эволюции правовых систем, развития философских и политico-правовых идей.

Содержание русского слова «закон» на протяжении веков претерпело значительные изменения. Разделение светской и религиозной власти на ранних этапах формирования русской государственности, традиционно свойственное русскому православию невмешательство в дела светской власти безусловно способствовали тому, что термином «закон» стали обозначать обычаи и традиции, а также акты, исходящие от государственной власти. Для обозначения же религиозных норм и установлений стали использовать термин «Закон Божий».

Объединение русских земель вокруг Москвы, укрепление централизованной государственной власти сопровождались активным государственным нормотворчеством и вытеснением местных обычаев из сферы правового регулирования. Это привело к тому, что термином «закон» стали обозначать в России только нормы, исходящие от государственной власти. Знаток и реформатор российского законодательства XIX в. граф М. Сперанский под термином «закон» понимал все акты нормативного характера, исходящие от государства¹⁸. Поскольку же

¹⁷ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 9.

¹⁸ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845. С. 3—18.

Россия в то время была абсолютной монархией, то идея закона ассоциировалась в общественном сознании с главой государства и соответственно этому понималось содержание слова «закон». ¹⁹ Местные обычаи еще в XIX в. продолжали играть важную роль в правовом регулировании, но они уже не охватывались содержанием этого слова.

Сужению значения русского слова «закон» до актов государственной власти способствовало и то обстоятельство, что начиная с XVIII в. правовая наука и практика правотворчества в России испытывали сильное влияние романо-германской правовой системы. Последняя в процессе рецепции римского права восприняла и его понятийно-терминологический аппарат, для которого было характерно, как отмечалось, использование термина «lex» (закон) для обозначения норм права, исходящих от государственной власти.

Вместе с тем в отличие от романо-германской правовой системы, где уже в XIX в. закон имел только одно название²⁰, в России законы издавались в форме уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов, манифестов и указов. Таким образом, и в XIX в. в России сохранился собирательный смысл слова «закон», правда, в ином, чем это было в начале становления российской государственности, значении.

Утверждение в послеоктябрьский период монопольного права государства на издание и формирование норм права было заметным шагом в сторону такого понимания слова «закон», которое сложилось в странах с романо-германской правовой системой, но полного тождества в понимании закона достигнуть так и не удалось. Дело в том, что утвердившаяся в развитых странах Запада, и прежде всего США, система разделения властей привела к тому, что понятие закона было жестко привязано в то время только к актам одной ветви власти — законодательной. Советская же политико-правовая доктрина, как известно, до недавнего времени не признавала ни теории, ни практики разделения властей.

Возможно, что данное обстоятельство стало одной из главных причин того, что понятие закона у нас хотя и связывалось в юридической науке только с актами высшего органа государственной власти, в массовом общественном сознании воспринималось

¹⁹ Хойман С. Е./Сов. государство и право. 1991. № 1. С. 122.

²⁰ Капустин М. М. Теория права. Общая доктрина. С. 171.

как все нормативно-правовые акты, исходящие от органов государства, независимо от того, какое место в иерархии органов власти и управления они занимали, и, несмотря на то, в чем состоит их основное назначение — создании норм права или же их исполнении. Попыткой примирить строго научное понимание закона и его восприятие в массовом общественном сознании явилась теоретическая конструкция «законодательства в широком смысле слова» как система всех действующих нормативно-правовых актов независимо от их юридической силы.

Можно предположить, что формирование правовой государственности, сопровождающейся разделением законодательной и исполнительной властей, скорее всего приведет к тому, что термин «закон» и в юридической науке, и в общественном сознании будет использоваться для обозначения только тех норм права, которые будут исходить от законодательной власти. Для обозначения актов, издаваемых исполнительной властью, в теории и практике будут выработаны соответствующие понятия и адекватная терминология (конечно, с учетом исторического опыта и практики правотворчества).

Так уж распорядилась история, что термин «закон» в русском, «*nomos*» греческом, «*lex*» латинском, «*law*» английском и во многих других древних и новых языках употребляется для обозначения как юридических норм, так и необходимых, существенных связей в природе и обществе. Скорее всего мы имеем дело с совпадением, которое имеет внутренние причины²¹.

В то же время ученые расходятся во взглядах по вопросу о том, когда сформировалось понятие о законе. Нет единства и в понимании того, в какой области человеческих знаний (естествознании или обществоведении) первоначально сложились представления об этом понятии. Г. Е. Глазерман полагает, что идея закона первоначально была выработана в естествознании, к познанию же общественной жизни она была применена позже, чем к познанию природы²². В. Н. Голованов также считает, что закон как категория познания является продуктом развития естествознания, а не философии.

²¹ Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики. Иркутск, 1971. С. 4; Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С. 27.

²² Глазерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979. С. 72.

Понятие о законе, считает он, зародилось в недрах естествознания XVII в. и лишь в конце XVIII — начале XIX в. категория закона стала объектом философского исследования (у Канта и Гегеля) ²³.

Высказаны и прямо противоположные взгляды. Еще в XIX в. русский ученый Б. Львов доказывал, что понятие о законе установилось в юридической области, т. е. в области человеческих отношений. Когда же оно было перенесено в область естествознания и получило там своеобразное значение, то обратная попытка применить естественно-научное понятие о законе к области человеческой деятельности встретила ожесточенное сопротивление²⁴.

Основательному анализу проблема генезиса понятия «закон» была подвергнута А. Д. Сириным, который убедительно показал, что понятие закона разработано еще в античной философии и прежде всего применительно к анализу социальных процессов вообще и юридических в частности ²⁵. Ученый подчеркивает, что античная философия не достигла еще такого уровня, когда закон мог бы быть охарактеризован одновременно с различных сторон, целостно, когда различные черты закона были бы синтетически соединены и не исключали друг друга, ибо для этого не было достаточно конкретного, в том числе и естественно-научного материала, но она, хотя и в наивной форме, указала на основные черты закона ²⁶.

Поскольку ни одна идея не рождается на голом месте, представляется целесообразным дать краткий исторический очерк и в самой общей форме изложить взгляды виднейших представителей политico-правовой мысли по вопросу о соотношении юридического закона и объективных закономерностей.

Анализ взглядов основателя древнегреческой диалектики Гераклита (род. около 544—540 г. до н. э.) дает основание судить о том, что он был первым мыслителем, который перенес термин «закон» на природу, отождествив «номос» (закон в юридическом смысле слова) с космическим законом (логосом), наделил логос свойствами, присущими правовым нормам. «В его глазах,— пишет Ф. Х. Кессиди,

²³ Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., 1970. С. 29.

²⁴ Львов Б. Социальный закон: Опыт введения в социологию. СПб., 1899.

²⁵ Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики. С 3-31

²⁶ Там же. С. 16—17.

— космос — высшая система правовых норм, воплощение закономерности и необходимости»²⁷.

Гераклит различает законы, установленные людьми, и законы божественные («божественный» у Гераклита означает «природный») и не проводит существенных различий между юридическими законами и законами космоса (природы). «Тем, кто желает говорить умно,— учил Гераклит,— должно укрепить себя этим для всех общим, как город, законом и много крепче. Ведь все человеческие законы питаются единым божественным, который простирает свою власть насколько желает, всему довлеет и над всем одерживает верх»²⁸. Из этого фрагмента видно, что для Гераклита характерно рассмотрение политico-правовых явлений и вообще всех земных человеческих дел и отношений в неразрывной связи и единстве с глобальными космическими процессами. Отсюда понятно его объяснение юридических законов как отражения космического порядка и поиски космических истоков юридических законов.²⁹ В этом плане можно считать, что Гераклит не сводил юридический закон к установлениям государственной власти, полиса, а обосновывал его закономерным, необходимым устройством космоса (природы).

Реальную силу юридического закона Гераклит выводит не из акта творчества законодателя, а из того обстоятельства, что человеческий закон «питается» божественным законом. На этот момент следует обратить особое внимание, потому что многие последующие мыслители продолжили поиски прототипа юридического закона в природных и общественных явлениях. Гераклит, следовательно, был родоначальником идеи обоснования юридического закона не политической силой, а более глубокими причинами, он искал его авторитет и силу за пределами политico-правовых реальностей. Идеи различия юридического и природного закона придерживался и Сократ (469—399 гг. до хр. э.). Учение об общих понятиях он дополнил учением о разделении законов на писаные и неписаные (божественные). Такое деление соответствовало общему духу его взглядов на общие понятия. Юридические нормы и человеческие установления есть лишь явление более общего и существенного. Сократ считал, что юридические законы должны иметь более общие основания, под которыми он понимал установленные божеством естественные законы.

²⁷ Кессиди Ф. Х. Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. М., 1963. С. 39.

²⁸ Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 144 (91в) 179.

²⁹ Нересесянц В. С. Право и закон, С. 86,

Естественные законы, полагал Сократ, существуют независимо от воли людей, имеют всеобщее значение. Они есть «братья законов человеческих», человеческие же законы должны соответствовать законам естественным. Далеко не всякие произвольные установления властей Сократ считал юридическими законами, а лишь те, которые соответствуют общим требованиям естественных законов. Отсюда и требование Сократа, чтобы законодательствовали знающие³⁰.

Заложенная античными мыслителями традиция различия юридического и естественного (божественного) закона была развита и обогащена в Новое время.

Французский раннебуржуазный идеолог Ж. Бодэн (1530—1596) считал, что имеются законы юридические, законы божественные и естественные. Юридические законы, устанавливаемые государственной властью, полагал он, не могут противоречить божественным и естественным законам. Их не может нарушить даже сам государь. «Что касается законов божеских и естественных, то им,— подчеркивал Бодэн,— подчинены все государи земли, и не в их власти нарушить эти законы, если они не хотят оказаться повинными в оскорблении божественного величества, объявив. Войну богу, перед величием которого все монархи мира должны быть рабами и склонять голову в страхе и почтении. Следовательно, абсолютная власть государей и суверенных властителей не распространяется на законы бога и природы. Все государи на земле подчинены законам бога и природы и многим человеческим законам, общим всем народам»³¹.

Таким образом, в концепции Ж. Бодэна в отличие от античных философов божественные и естественные законы уже не тождествляются, а представляют две самостоятельные группы, но в плане их воздействия на юридические законы Ж. Бодэн остается верен античной традиции. Вместе с тем он указывает еще на одну группу законов (человеческие законы, общие всем народам), которые с необходимостью должны приниматься во внимание законодателем.

Значительный вклад в разработку вопросов законодательства, соотношения юридического и естественного (божественного) законов внесли Ж. Бодэн, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ш. Монтескье, И. Кант.

³⁰ Сирин А. Д./Вопросы марксистской философии и эстетики. С. 11.

³¹ Антология мировой философии. Т. 2. М., 1970. С. 146.

Ж. Бодэн наделяет суверена монопольным правом издавать и отменять законы. Его концепция суверенитета ставит государей над юридическими законами, но в то же время ограничивает их полновластие действием законов божественных, естественных и общих всем народам. Суверенитет государей сводится по сути дела к тому, чтобы они «...не подчинялись повелениям других людей и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершать тот, кто подчинен законам и людям, которые имеют право ему повелевать»³².

Б. Спиноза (1632—1677) был, пожалуй, одним из первых, кто предложил развернутое определение закона. «Слово закон,— писал он,— взятое в абсолютном смысле, означает то, что заставляет каждого индивида — всех или нескольких, принадлежащих к одному и тому же виду,— действовать одним и тем же известным и определенным образом»³³. Здесь нет необходимости разбирать достоинства и недостатки приведенной definicции. Из нее видно, что мыслитель наделяет закон свойствами неизменности, необходимости, всеобщности и определенности. Определение закона, данное Б. Спинозой, не получило такого признания, как, например, определение Ш. Монтескье, но можно сказать, что последнее вобрало в себя все основные моменты определения, сформулированного Б. Спинозой.

Б. Спиноза различает законы в объективном смысле слова (естественные законы) и законы, установленные людьми (юридические законы). «Закон, зависимый от естественной необходимости,— писал он,— есть тот, который необходимо следует из самой природы или определения вещи; закон же, зависящий от людского соизволения и называемый удачнее правом, есть тот, который люди предписывают себе и другим, чтобы безопаснее и удобнее жить или по другим причинам»³⁴.

³² Антология мировой философии. Т. 2. С. 146.

³³ Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. М., 1957. С. 62.

³⁴ Там же. С. 62.

В понимании Б. Спинозы слово «закон» прилагается к естественным вещам в *переносном* (курсив наш — Н. С.) смысле³⁵. Тем самым как бы косвенно доказывается тот факт, что еще в XVII в. понятие закона разрабатывалось почти исключительно в круге социально-политической и правовой проблематики. В отличие от всех предшествующих исследователей, занимавшихся проблемой соотношения естественного, божественного и юридического законов, ставивших юридические законы в прямолинейное подчинение, зависимое положение от законов божественных и естественных, концепция Б. Спинозы сложнее и оригинальнее.

Отметив условность применения слова «закон» к естественным вещам, Б. Спиноза дает определение юридического закона, указывает, что под данным законом «обыкновенно понимается не что иное, как распоряжение, которое люди могут и исполнить и отвергнуть... поэтому закон... должно определить более узко, именно: что он есть образ жизни, предписываемый человеком себе или другим ради какой-нибудь цели»³⁶. В свою очередь юридический закон он разделяет на человеческий и божественный. При этом под человеческим законом понимается такой образ жизни, который служит только для охранения жизни государства, а под божественным — тот, который имеет целью только высшее благо, т. е. истинное познание бога и любовь к нему.

За видимой подчиненностью человеческого и божественного законов юридическому кроется, однако, прямо противоположный смысл. Все дело в том, что цель юридического закона, равно как и предписываемый им образ жизни, определяется не законодателем, а привносится в обязательном порядке в юридический закон извне силами (факторами), общеобязательность которых непрекращаема.

Согласно Б. Спинозе, юридический закон ограничен в своем действии. Он не может повелевать «чего-нибудь сверх сил», а также «сдерживает человеческую мощь в известных пределах, за которые она стремится перейти». Цель божественного закона, а следовательно, и образ жизни «освящены вследствие откровения», но не из любви к вещи, ибо «идея о боге говорит ведь о том, что бог есть *последняя* (курсив наш — Н. С.)

³⁵ Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. С. 63.

³⁶ Там же.

цель, к которой должны направляться все наши действия».³⁷ Любить бога есть высшее благо, считает мыслитель. Значит, содержание цели юридического закона по существу предопределется божественным законом. Божественным законом ограничен и предопределен также и человеческий закон, ибо он может намечать только такие цели и предписывать такой образ жизни, которые не могут противоречить божественному закону. В итоге оказывается, что юридический закон в концепции Б. Спинозы есть легальная форма божественного и человеческого законов. А взаимосвязь божественного, человеческого и юридического законов выглядит так: юридический закон, сдерживая человеческую мощь и не приказывая ей чего-нибудь сверх сил, призван обеспечить действие человеческого закона, цель которого — создание образа жизни, служащего охранению жизни государства. Все это в конце концов подчинено целям божественного закона, «который имеет целью высшее благо»³⁸.

Классическим выразителем правовых представлений буржуазного, общества, по словам К. Маркса, был Дж. Локк (1632—1704)³⁹. Взгляды его на сущность, происхождение и содержание юридического закона отличаются логической стройностью, тщательной проработкой и практической направленностью.

Дж. Локк различает закон юридический, закон божественный, а также закон природы. Для Локка термин «закон природы» более общее понятие, чем «природный закон человека». Свой труд «Опыты о законе природы» он начинает с выяснения вопроса о том, существует ли закон природы, и отвечает на него утвердительно: «...нет во вселенной ничего столь неустойчивого и неопределенного, что не признавало бы точных и определенных законов собственного существования, соответствующих природе каждого...»⁴⁰.

Дж. Локк различает естественное право и естественный природный закон человека, ибо право состоит в том, что мы имеем возможность свободно распоряжаться какой-либо вещью, тогда как закон есть то, что повелевает или запрещает нечто делать.

³⁷ Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2 С 65—66

³⁸ Там же. С. 64.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 1. С 371

⁴⁰ Локк Дж. Соч. Т. 3. М, 1988. С. 3.

Он определяет происхождение естественного (природного) закона человека и при этом категорически отклоняет возможность его установления путем согласия между людьми, даже большинством населения. «Какая низость,— пишет мыслитель,— не стала бы не только позором, но и неминуемой, если бы закон устанавливал для нас поведение большинства, в какой позор, в какую мерзость и всевозможные нравственные пороки не ввергнул бы нас закон природы, если бы пришлось следовать большинству. Поэтому всякий, кто хочет создавать правила нравственности по мерке такого рода согласия относительно человеческой деятельности и отсюда вывести закон природы, похож на того, кто старается сойти с ума, сохранив рассудок». ⁴¹ Как «проявление божественной воли», «неизменное и вечное моральное правило»⁴² определяет он закон природы, считает, что формальным основанием данного закона является проявление высшей воли.

Таким образом, для Дж. Локка закон природы есть не что иное, как божественный закон. Обязательства, налагаемые им, вечны и всеобъемлющи. Философ подчеркивал, что в действии данного закона «...не бывает никакого междуцарствия, никаких Сатурналий, никаких передышек, когда бы в сей державе могли иметь место свобода и вседозволенность. Узы этого закона вечны и неотделимы от существования рода человеческого: они вместе с ним рождаются и вместе с ним исчезнут»⁴³.

Будучи верным и неизменным, божественный закон действует, во-первых, уже в естественном состоянии и именно поэтому естественное состояние не может быть войною всех против всех, ибо закон требует сохранения общества, мира и безопасности для всего человечества; во-вторых, он продолжает действовать и после заключения договора и учреждения государства, однако уже не только управляет жизнью человека, но и определяет характер и пределы деятельности политической власти. «Таким образом, закон природы выступает как вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же степени, как и для других. Те законы, которые они создают для направления действий других людей, должны, также как их собственные действия

⁴¹ Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 29.

⁴² Там же. С. 4, 45.

⁴³ Там же. С. 42.

и действия других людей, соответствовать закону природы, т. е. божьей воле, проявлением которой он является»⁴⁴.

Необходимость юридического закона (в более широком плане — договора и образования государства) в концепции Дж. Локка объясняется так. Если бы не разложение и порочность выродившихся людей, то не требовалось бы никакого иного закона, ибо по закону своей природы, общему для всех, индивид и остальное человечество представляют единое сообщество, отличное от всех других творений. Разложение же и порочность привели к тому, что люди отделились от этого великого и естественного сообщества, составили ряд меньших объединений. Для возвращения людей в единое сообщество требуется всеобщий договор, образование государства и создание юридического закона. По смыслу концепции Дж. Локка юридический закон, опираясь на силу государства, призван дополнить в государственно-организованном обществе действие божественного закона, но не отменить (или заменить) его. Более того, «законы, установленные в государствах, обязывают не сами по себе, не своим авторитетом, не как-либо еще, но именно в силу закона природы. Без такого закона, силою оружия правители, быть может, и могли бы принудить толпу к повиновению, но не могли бы обязать ее к этому»⁴⁵. Следовательно, законы, создаваемые верховной законодательной властью, должны соответствовать велениям божественного закона, ибо они заимствуют всю силу из обязательства, налагаемого этим законом.

В то же время юридические законы не являются, согласно Дж. Локку, лишь простым продолжением, слепком с законов природы. Для сохранения индивида и остальной части человечества законы, создаваемые обществом, могут ограничивать «...ту свободу, которую он имел по закону природы», потому что «...хотя закон природы ясен и понятен всем разумным существам, однако люди руководствуются своими интересами, к тому же они его не знают, так как не изучали и поэтому не склонны признавать его в качестве закона, обязательного для них в применении к их конкретным делам»⁴⁶.

⁴⁴ Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 341.

⁴⁵ Там же. С. 8.

⁴⁶ Там же. С. 335—336.

В понимании Дж. Локка верховная законодательная власть, призванная сформулировать определенный юридический закон, сделать его общим мерилом и имеющая право ограничить свободу человека, обязана познать и усвоить закон природы прежде, чем придавать ему общеобязательное значение. Законодатель — не только орудие осуществления божественного закона, но и активная, познающая, творческая сила. Правда, данная мысль формулируется Дж. Локком не совсем отчетливо, обрывается на полуслове, но именно эта идея наряду с обоснованием силы юридического закона, его соответствием божественному (по сути дела, моральному, нравственному) закону и идеей приоритета, вечности и неизменности морального закона, требованием соответствия ему законов юридических оказала заметное воздействие на последующие поколения мыслителей.

Особого внимания заслуживает учение французского философа Ш. Монтескье (1689—1755). В его фундаментальном труде «О духе законов» исследуется широкий спектр политico-правовой проблематики. Сочинение начинается ставшим впоследствии классическим определением закона: «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека»⁴⁷.

Рассматривая определение Ш. Монтескье, Г. Е. Глезерман полагает, что оно сложилось под явным влиянием естествознания той эпохи⁴⁸. На наш взгляд, из смысла самого произведения Ш. Монтескье, его «духа», которое написано по вопросам обществоведческого характера, скорее напрашивается вывод о том, что данное им определение законов было как раз вершиной обществоведческой мысли.

Изучая бесконечное разнообразие человеческих законов и нравов, Ш. Монтескье стремился установить общие начала, порождающие законы, определить «дух законов», т. е. закономерное в них. Он подчеркивал, что разнообразие законов и нравов не вызвано единственно произволом людей, что частные случаи подчиняются некоторым

⁴⁷ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 159.

⁴⁸ Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. С. 72.

общим началам и «...всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона»⁴⁹. Среди многообразия законов Ш. Монтескье, следуя традиции предшествующих мыслителей, выделяет, прежде всего, божественные. Под ними он понимает те отношения, которые создал Бог между собой и различными существами, а также взаимные отношения между этими существами. В концепции Монтескье нет четкого разделения божественных и естественных законов. Все законы, управляющие физическим миром, миром животных и природой людей, по источнику своего происхождения относятся им к божественным. В то же время для обозначения законов животного мира и законов людей как физических существ он использует термин «естественный закон». «Бог,— пишет мыслитель,— относится к миру как создатель и хранитель; он творит по тем же законам, потому что знает их, он знает их, потому что создал их»^{50 *} Ш. Монтескье считал, что отношения (т. е. законы), созданные Богом, справедливы, они предшествуют юридическим законам и обуславливают справедливость последних. Вместе с тем, полагал Ш. Монтескье, законы, установленные Богом, действуют неодинаково. Лишь физический мир и растения следуют своим законам с неизменным постоянством. Но уже животные не следуют неизменно своим естественным законам. Человек же, хотя и управляет

⁴⁹ Монтескье Ш. Избр. произв. С. 159.

⁵⁰ Там же. С. 163.

* Не прав А. Д. Сирин в том, что термин «закон природы» получил право гражданства благодаря работам Монтескье, Дидро, Гольбаха, Гельвеция, что благодаря именно их научной и общественной деятельности он прочно вошел в лексикон науки и укрепился там окончательно в XVIII в. (Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики. С. 23 — 24). Сейчас практически невозможно с большой точностью установить, кто из исследователей впервые ввел в научный оборот термин «закон природы». Но ясно, что это были не французские просветители. О «высшем законе природы» говорил Б. Спиноза (Спиноза Б. Избр. произв. Т. 2. С. 203). Дж. Локк также отмечал, что для обозначения законов, управляющих жизнью человека наряду с термином «достойное» (гипотезы) и «здравый разум» (gesta ratio) большинство исследователей называют этот закон законом природы (Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 168). В. Н. Голованов полагает, что термин «закон природы» (*leges naturales*) впервые использовал Фома Аквинский (Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки). Н. М. Коркунов полагал, что впервые термин «*leges naturales*» употребил общей теории права. С. 50).

двумя видами законов — естественными и юридическими, не соблюдает неизменно своих первоначальных, т. е. установленных Богом, законов и даже тех, которые люди создают сами для себя. Причины такого отношения людей к законам французский мыслитель видит в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и способны заблуждаться. Кроме того, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям.

Подобно Дж. Локку Ш. Монтескье считает, что естественные законы управляли бытием человека в естественном состоянии, до образования общества. Он формулирует те законы, которые вытекают единственно из природы «нашего существа», и дает им подробную характеристику. Первым естественным законом он называет мир, вторым — стремление добывать себе пищу, третьим — просьбу, обращенную одним человеком к другому, четвертым — желание жить в обществе.

Необходимость появления положительного (юридического) закона Ш. Монтескье объясняет следующим образом. В естественном состоянии, считает он, между людьми господствует мир в силу их слабости. Соединяясь же в общество, люди утрачивают сознание своей слабости и между ними начинаются два вида войны: война между народами и война между отдельными лицами. Именно появление «этих двух видов войн побуждает установить законы между людьми»⁵¹.

Соответственно выделенным видам войны люди устанавливают юридические законы. Те законы, которые определяют отношения между народами, Ш. Монтескье именует международным правом. Законы же, установленные людьми для охраны общества, в котором они живут, а также законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми, называет политическим правом. Кроме того, он выделяет третий вид законов: законы, определяющие отношения всех граждан между собой, и именует их гражданским правом.

Наличие у людей положительных законов Ш. Монтескье связывает с их способностью познавать. Говоря о естественных законах, присущих животным, он утверждает, что те не имеют положительных законов потому, что не наделены способностью познавать. Таким образом, в законотворческом процессе познание и

⁵¹ Монтескье Ш. Избр. произв. С. 167.

человеческий разум предшествуют появлению юридического закона и в этом смысле слова положительный закон «есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума»⁵².

Своим пониманием законотворческого процесса Ш. Монтескье ориентирует законодателя на постижение закономерной природы человека, обоснованно полагая, что положительные законы должны соответствовать естественным законам, присущим тем или иным народам. Причем юридические законы «должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа»⁵³.

Значительное внимание Ш. Монтескье уделяет тому, чтобы определить закономерности, которым подчинено создание юридических законов (в нынешнем понимании — факторам законотворчества). Решающей причиной, влияющей на природу юридического закона и определяющей его содержание, он считает природу и принцип каждого правительства, ибо «законы вытекают из него, как из своего источника»⁵⁴. Но связь между юридическими законами и причинами, их породившими, в понимании Монтескье, не однолинейна и однозначна. Юридические законы, в свою очередь, влияют на причины, обусловившие их появление. Применительно к природе и принципу правительства эта мысль формулируется четко и недвусмысленно. Мыслитель подчеркивает, что «соответствие законов с принципами правления приводит в действие все пружины правления, и самый принцип получает от этого новую силу»⁵⁵.

Подробному анализу с широким привлечением исторических материалов и собственных наблюдений Ш. Монтескье подвергает и другие факторы законотворчества: физические свойства страны, ее климат, качество почвы, положение территории, образ жизни народа — земледельцев, охотников, пастухов; степень свободы, допускаемой устройством государства; религию населения, его склонности,

⁵² Монтескье Ш. Избр. произв. С. 168.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 169.

⁵⁵ Там же. С. 196.

богатство, численность, торговлю, нравы и обычаи. Кроме того, законы, как полагает Монтецкие, связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются.

Иммануил Кант. (1724—1804) был одним из первых философов, кто специально исследовал понятие «закон» как гносеологическую категорию. Он считал данное понятие одной из важнейших категорий познания. «Категории же суть понятия,— пишет И. Кант,— a priori предписывающие законы явлениям, стало быть, природе как совокупности всех явлений»⁵⁶. В понимании философа категория «закон» есть принадлежность трансцендентального чистого разума, которая не может быть выведена непосредственно из эмпирической действительности⁵⁷.

Человек, в понимании И. Канта, будучи частью природы, действует в сфере сущего, подчиненного закону причины и следствия, его поступки определяются внешней необходимостью. И в этом плане поступки человека предсказуемы с такой же точностью, как и любое иное явление природы. Но человек—существо разумное, и в этом качестве он свободен в своих поступках, потому что его поведение подчиняется законам разума, «приспособляя к ним эмпирические условия»⁵⁸. Все дело в том, что, хотя в мире все совершается по определенным законам, человек наделен способностью поступать «согласно представлению о законах»⁵⁹. Вместе с тем закон разума не определяет волю человека полностью, она часто отклоняется от него, будучи влекома чувственностью⁶⁰. Закон разума, таким образом, служит для человека лишь долженствованием, выбор же остается в конечном счете за человеком.

Более всего в учении И. Канта нас интересует учение о нравственности, ибо именно в этой части его творческого наследия дано развернутое представление о юридических законах и их соотношении с законами нравственности.

Законы нравственности, считает Кант, не заложены в человеке изначально, у

⁵⁶ Кант И. Соч. Т. 3. М., 1964. С. 212.

⁵⁷ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 14—18.

⁵⁸ Кант И. Соч. Т. 3. С. 488.

⁵⁹ Кант И. Соч. Т. 4, ч. 1. М., 1965. С. 250.

⁶⁰ Философия Канта и современность. М., 1974. С. 118.

него есть лишь первоначальные моральные задатки. В «Критике чистого разума», предваряя специальное исследование проблем этики и права, осуществленное в основном в работе «Метафизика нравственности», Кант отмечал: «Я допускаю, что действительно существуют чистые нравственные законы, которые совершенно *a priori* (не принимая во внимание эмпирические мотивы, т. е. большинство) определяют все наше поведение... и что эти законы повелеваю безусловно (а не гипотетически, (т. е.) при допущении других эмпирических целей) и, следовательно, обладают необходимостью во всех отношениях»⁶¹.

В «Критике практического разума» и «Основах метафизики нравственности» И. Кант дает развернутое обоснование морального закона: «Моральный закон есть императив, который повелевает категорически, так как закон не обусловлен»⁶², т. е. существует *a priori*, а не выводится из природы человека. Философ утверждает чистоту морального мотива, считает, что соблюдение морального закона есть долг человека. Исполняя его, человек не должен ожидать ни наград, ни внешнего блага, ни внутреннего удовлетворения, ни какой-нибудь компенсации. И. Кант подчеркивал, что «моральные законы повелеваю безусловно, каков бы ни был исход их исполнения; более того, они даже заставляют отвлечься от него, если дело касается отдельного поступка»⁶³.

Смысл этической концепции И. Канта сводится к тому, что человек, поступавший до сих пор по логике (т. е. законам) хода вещей,- оказывается перед альтернативой. Он должен совершить выбор: либо продолжать все делать по законам природы, по расчету благоразумия и себялюбия и окончательно запутаться в многосложном сплетеении учитываемых факторов и противоречий сталкивающихся интересов, либо совершить поворот к нравственности и жить по ее законам⁶⁴. Ставя перед человеком дилемму выбора, И. Кант не оставляет его безоружным и указывает путь нравственного совершенствования. Он видит его в моральном воспитании, которое должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и с утверждения характера, хотя обыкновенно дело происходит иначе и

⁶¹ Кант И. Соч. Т. 3. С. 663.

⁶² Кант И. Соч. Т. 4, ч. 1. С. 345.

⁶³ Кант И. Соч. Т. 4, ч. 2. М., 1965. С. 12.

⁶⁴ Философия Канта и современность. С. 150 — 151.

борются против отдельных пороков, а корень их остается нетронутым.

Учение о праве, юридическом законе, его соотношение с моральным законом И. Кант выводит из различия моральности и легальности поведения человека, которое он установил в «Критике практического разума». Моральным поведением мыслитель считает то, которое не только совпадает с требованием категорического императива, но и основано на сознательном уважении к нравственному закону. Поведение же, которое не нарушает предписаний нравственного закона, но выполняется в силу иных побуждений (честолюбие, страх, корыстолюбие и т. д.), именуется легальным.

Легальное поведение имеет место в отношениях людей между собой и принадлежит к области права. «Право,— указывает И. Кант,— есть совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»⁶⁵. Учение о праве, согласно И. Канту, касается внешних условий и норм действия человека. Юридический закон, остается у него чисто формальным, ибо не касается содержания поступков и независимо от индивидов определяет внешние действия. Таким образом, смысл права состоит в том, чтобы допускать поведение людей, внешне объективно совместимое с требованием категорического императива, который в области права гласит: «...Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщей свободой»⁶⁶. Это требование и составляет суть всеобщего правового закона.

Согласно учению И. Канта, юридические законы есть часть этических законов. Юридические законы выводятся из этических и являются их частным следствием, обоснованы ими и подчинены им, а всеобщий правовой закон есть форма категорического императива. Из принадлежности юридических законов к области нравственных законов философ выводит априорность правовых норм: в основе их лежит не то, что бывает, а то, что должно быть⁶⁷.

⁶⁵ Кант И. Соч. Т. 4, ч. 2. С. 139.

⁶⁶ Там же. С. 140.

⁶⁷ Асмус В. Ф. // Кант И. Соч. Т. 4, ч. 1 (вступ. статья). С. 51.

В концепции И. Канта обосновывается и понятие естественного закона, его соотношение с законом юридическим. Он считает, что естественными законами являются те, обязательность которых может быть познана разумом a priori. В понимании И. Канта законы, вытекающие из всеобщего правового закона, т. е. все юридические законы, и составляют то, что он называет естественным правом.

Таким образом, в отличие от предшествующих мыслителей, сторонников естественной школы права, немецкий философ рассматривает естественное право не как прирожденные свойства (права) людей, присущие им изначально, а как проявление, форму бытия существующего, a priori категорического императива, т. е. переносит его из сферы сущего в сферу должного. Некоторая искусственность и замысловатость учения И. Канта о естественном праве объясняется, как нам представляется, необходимостью «органично» вмонтировать в концепцию правопонимания сложившийся до него в политико-правовой мысли понятийный аппарат с традиционными терминами естественного и положительного права. Что же касается трактовки мыслителя о соотношении естественного и положительного права, то здесь он не оригинален. Под положительными (статуарными) законами философ понимает законы, изданные законодателем. Следовательно, положительные законы есть не иное, как исторически существующие законы, и они, в понимании И. Канта, не должны нанести ущерб естественному праву, их следует преобразовать в соответствии с естественным правом, т. е. всеобщим правовым законом.

ГЛАВА 2

СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНА И ЗАКОНА ЮРИДИЧЕСКОГО

Категория закона, понятие закономерной взаимосвязи процессов и явлений социальной действительности составляют сердцевину любой науки об обществе. Не является исключением здесь и юридическая наука. Идеи закона и закономерности стали непременным атрибутом юридической науки в целом и отдельных ее отраслей, в частности, со временем осознания ими самих себя не просто совокупностью определенных сведений и знаний о юридической действительности, а системой представлений и взглядов о существенных, устойчивых, общих, повторяющихся связях в изучаемой ими юридической действительности.

Теоретиками государства и права потрачено немало сил на изучение вопроса о том, какой круг законов и закономерностей входит в предмет исследования юридической науки, в том числе общей теории государства и права, в чем состоит их особенность и какое место они занимают в системе общесоциологических, экономических и политических закономерностей. Основательному изучению были подвергнуты закономерности возникновения, функционирования и развития государства и права¹.

Следует подчеркнуть, что изучение закономерностей бытия государственно-правовой действительности с самого начала подчинено практическим потребностям.

¹ Касаткин Ю. П., Явич Л. С. // Уч. зап. Т. VIII. Тр. юридич. ф-та, Вып. 3. Сталинабад, 1955; Алексеев С. С. // Правоведение. 1962, № 2; Орзих М. Ф./Правоведение. 1972. № 3; Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972; Рабинович П. М./Правоведение. 1974. № 2; Денисов А. И. Методологические проблемы теории государства и права. М., 1975; Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976; Овчинников С. Н./Правоведение. 1979. № 2; Методологические проблемы советской юридической науки. М, 1980; Закономерности развития социалистического государства. М, 1983; Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989; Борисов Г. А. // Фундаментальные проблемы концепции формирования советского правового государства. Харьков, 1990 и др.

Исследование законов и закономерностей необходимо не само по себе, не только для доказательства того, что юридическая наука имеет статус самостоятельной среди других общественных наук (хотя и это весьма важная задача). В среде ученых-юристов, какими бы проблемами они ни занимались, всегда явно выражено стремление обратить изученные ими законы и закономерности государственно-правовой действительности на пользу политического и правового строительства. Далеко не всегда в силу ряда причин и обстоятельств, предложения и рекомендации юридической науки воспринимались практикой законотворчества и правоприменения. Справедливости ради надо отметить, что и рекомендации юридической науки не всегда отличались достаточной доказательностью, были всесторонне аргументированы и обоснованы с практической точки зрения.

В настоящее время ученые-юристы получили возможность всестороннего анализа как позитивных, так и негативных сторон жизнедеятельности общества, государства и права. Реформа политической системы, курс на построение правового государства, с одной стороны, позволяют использовать достижения юридической науки в законотворческом процессе, в разработке стратегии и тактики законотворчества, при подготовке проектов конкретных законов, а с другой стороны, побуждают исследователей к более глубокому анализу как насущных вопросов теории законодательства, верховенства закона, так и их теоретико-методологических проблем.

В юридической науке достаточно прочно утвердилось суждение о том, что система законодательства в целом, равно как и отдельные нормативно-правовые акты, должна опираться на социальные закономерности. От того, насколько эту идею удастся реализовать на практике, зависят эффективность законодательства, авторитет и верховенство закона, качество правовой системы вообще.

В программной статье журнала «Коммунист» в 1963 г. отмечалось, что центральной проблемой юриспруденции является «взаимодействие юридической нормы с общественными отношениями, с объективными закономерностями общественного развития»². М. С. Строгович также полагал важной задачей изучение

² Коммунист. 1963. № 16. С. 31.

сложного механизма выражения в нормах права общественных закономерностей³.

Ю. А. Тихомиров, анализируя пути повышения верховенства, пришел к выводу, что высокий авторитет закона, возрастание его роли в регулировании общественных отношений во многом определяются тем, насколько в законе находят отражение основные закономерности общественного развития⁴.

Исследуя закономерности развития и функционирования права, С. Н. Овчинников сделал заключение, что в самом общем виде взаимосвязь социальных законов и законов в юридическом смысле слова состоит в том, что юридические нормативные акты должны выражать объективные социальные закономерности⁵.

А. М. Хачатурян считает, что для того, чтобы целенаправленно влиять на экономическую, политическую и социально-культурную сферы жизни, правовые нормы должны адекватно отражать происходящие в обществе процессы. Законодатель же для этого должен постоянно выявлять, изучать и учитывать закономерности, лежащие в основе таких процессов⁶. О необходимости учета социальных закономерностей в действующем законодательстве пишет С. Г. Дробязко⁷.

М. Т. Баймаханов полагает, что надлежащее качество законодательства упирается в решение такой проблемы, как отражение в правовых актах объективных закономерностей общественного развития. И решение ее он видит на путях углубления представлений о соотношении объективных закономерностей и юридических законов, о механизме обратного воздействия юридических законов на объективные закономерности⁸.

Вопросам соответствия норм права объективным закономерностям регулируемых отношений пристальное внимание уделяет Р. О. Халфина. По ее мнению, в настоящее время остро стоит вопрос о соответствии права объективным

³ Стrogович М. С. // Вопр. философии. 1965. № 12. С. 8.

⁴ Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С. 170.

⁵ Овчинников С. Н. Закономерности развития права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1979. С. 12.

⁶ Хачатурян А. М. Социальные факторы развития законодательства союзной республики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 4.

⁷ Дробязко С. Г. // Совершенствование законодательства Союза ССР и союзной республики. Минск, 1990. С. 5—31.

⁸ Советское государство и право. 1987. № 5. С. 117.

законам экономического развития. Опираясь на известное марксистское положение о том, что право может способствовать экономическому развитию, а может и препятствовать ему, Р. О. Халфина полагает, что особое значение имеет своевременное и глубокое осознание требований объективных законов и умелое применение средств правового регулирования для оптимального использования положительных сторон процессов и возможного ограничения отрицательных⁹.

Вместе с тем проблема соотношения объективных социальных законов, и законов юридических не так проста, как это может показаться при первом, самом общем ознакомлении с ней. Было бы глубоким заблуждением делать вывод о том, что юридический закон всегда и во всем может и должен опираться на объективный социальный закон. Дело в том, что между объективным социальным законом и законом в юридическом смысле слова наряду с имеющимися общими для них признаками и свойствами есть и такие, которые не совпадают или имеют поверхностное совпадение, отличаясь по существу. Поэтому общее требование соответствия юридического закона объективным социальным законам подлежит более обстоятельному изучению с определением границ такого соответствия, т. е. следует уточнить, о каком соответствии идет речь и всегда ли оно возможно и необходимо.

Глубокий анализ философского понимания категории «закон» дан в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, которые неизменно подчеркивали такие важнейшие черты закона, как отражение в нем существенных, общих, устойчивых, необходимых для явлений и процессов связей, причем эти связи выражают сущность или одну из сторон сущности. К. Маркс определял закон как «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями»¹⁰. В. И. Ленин обосновывал в «Философских тетрадях» положение о том, что «закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные, выраждающие углубление познания человеком явлений мира»¹¹. Он подчеркивал, что «закон есть отношение»¹², «прочное (остающееся) в

⁹ Халфина Р. О./Советское государство и право. 1990. № 3. С. 20.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1. С. 246.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

¹² Там же. С. 138.

явлении»¹³, «отражение существенного в движении универсума»¹⁴, «отношение сущностей или между сущностями»¹⁵.

Определение закона как отношения сущностей следует понимать как характеристику закона именно как существенного отношения. В. И. Ленин постоянно сближает понятия «закон» и «сущность», из чего можно заключить, что они обладают одинаковым достоинством, возводятся им в одну и ту же степень¹⁶. Вместе с тем, как справедливо отмечает А. Д. Сирин, было бы упрощением трактовать дело таким образом, что закон есть всего лишь отношение между сущностями. Закон всегда есть существенное отношение, однако понятие «существенное отношение» шире, чем понятие «отношение между сущностями», так как и отношение между внешними сторонами предметов может быть существенным отношением¹⁷. По этому, будучи отношением между сущностями, закон есть в то же время отношение между явлениями, ибо нет сущности, изолированной от явления. Непосредственная прямая связь между сущностями вообще невозможна так как сущность всегда выступает через явление.

Данный признак объективного социального закона достаточно подробно рассмотрен в философской литературе и практически никем не оспаривается при характеристике закона. Что же касается юридической науки, то в ней достаточно широко распространено мнение о том, что в процессе законотворчества должна приниматься во внимание зависимость, существующая между видом нормативно-правовых актов и кругом регулируемых им общественных отношений. На практике такая зависимость в известной мере учитывается правотворческими, и прежде всего высшими органами законодательной власти, не признание ее не доведено еще юридической наукой до выявления закономерности данного соотношения применительно к каждому конкретному виду актов.

В юридической науке сформулирована презумпция согласно которой нормативно-правовые акты высокой юридической силы регулируют более важные и существенные

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136

¹⁴ Там же. С. 137.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979. С. 24.

¹⁷ Там же. С. 25—26.

отношения. Особенно широко она используется при определении закона, законодательных актов в целом¹⁸, актов Совета Министров¹⁹, но не упоминается при характеристике всех остальных подзаконных актов. По логике таких рассуждений можно сделать вывод, что подзаконными актами регулируются менее значимые и несущественные отношения. На практике же оказывается, что установить жесткую зависимость между юридической силой акта и регулируемыми им общественными отношениями невозможно. Известно немало случаев, когда законом регулировались менее важные и существенные отношения, чем постановлением Совета Министров, или, наоборот, закон и постановление правительства регулировали смежные общественные отношения, одинаковые по своей значимости.

Более того, опыт законотворчества показал, что понятие важности и существенности общественного отношения в юриспруденции носит довольно условный характер. Степень значимости того или иного общественного отношения в очень большой мере зависит от привходящих, зачастую конъюнктурных соображений политического или иного характера.

Не вносит ясности в этот вопрос и попытка определить степень важности и существенности общественных отношений, регулируемых законом, через компетенцию высших органов законодательной власти. Несмотря на то, что компетенция высших органов законодательной власти, как правило, складывается десятилетиями и к их ведению относятся обычно отношения, имеющие более важное значение, чем те, которые регулируют органы исполнительной власти, тем не менее, природа законодательной власти такова, что она вынуждена регулировать самые разнообразные, иногда и вовсе малозначительные отношения. Законодатель не вправе отказываться от регулирования общественных отношений, ссылаясь на степень их важности и значимости. Следует согласиться с Д. А. Ковачевым в том, что попытки разграничить законодательные полномочия высшего представительного органа и правотворческие полномочия Совета Министров путем установления различия в природе общественных отношений,

¹⁸ Тихомиров Ю. А. Теория закона; Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М., 1988; Лучин В. О. Источники советского государственного права. Куйбышев, 1976.

¹⁹ Общая теория советского права. М., 1966.

являющихся, с одной стороны, предметом регулирования закона, с другой — предметом регулирования исполнительного акта, бесперспективны²⁰.

Таким образом, в отличие от объективного социального закона, который в философской литературе рассматривается не иначе как существенная связь между явлениями или процессами, характеристика юридического закона в этом плане не отличается четкостью и определенностью. Желательно, чтобы законодатель регулировал основополагающие, составляющие самую суть процесса отношения. Но не менее важно и то, чтобы высший орган законодательной власти упорядочивал бы как можно более широкий круг общественных отношений. К этому сводится мнение большинства исследователей. В этом они видят залог успехов на пути формирования правового государства, повышения качества правовой системы и верховенства закона, укрепления законности и правопорядка.

Л. С. Явич прав в том, что преобладающая доля подзаконных актов в регулировании общественных отношений часто подрывает верховенство закона²¹. Но его вывод о том, что под верховенством закона следует понимать не только его высшую силу, но и то, насколько законы действительно регулируют важнейшие в стране общественные отношения, вовсе не согласуется с требованием, чтобы исполнительная власть не брала на себя функции законодательной власти, т. е. не издавала общеобязательных правил поведения²².

Ведь только в том случае, когда наряду с законами регулирование общественных отношений осуществляется иными видами нормативно-правовых актов, можно понимать под верховенством закона то, насколько он действительно регулирует важнейшие в стране общественные отношения. Но если нормотворчество иных органов власти, кроме власти законодательной, запрещено или существенно сужено, то законодателю придется регулировать довольно широкий круг общественных отношений. И, надо полагать, доля наиболее важных и существенных отношений в общей массе регулируемых законодателем отношений намного уменьшится. В этих условиях сама постановка вопроса о важности регулируемых законом общественных

²⁰ Ковачев Д. А./Социалистическая законность. 1989. № 10. С. 19—20.

²¹ Явич Л. С. Социализм: право и общественный прогресс. М., 1990. С. 166.

²² Там же. С. 166—167.

отношений теряет всякое значение, как для законодателя, так и для юридической науки при определении путей повышения верховенства закона.

Следовательно, общее положение о том, чтобы юридический закон выражал объективную социальную закономерность, не может быть сформулировано как требование обязательного закрепления в нем существенных, внутренне необходимых отношений. И в этом плане между законом в философском и юридическом понимании полного тождества не наблюдается. Юридический закон как акт высшего органа законодательной власти в стране регулирует и отражает не только важные и существенные общественные отношения. Законодатель призван регулировать весь круг общественных отношений, входящих в его компетенцию. В стратегическом плане, на наш взгляд, нет необходимости кардинальным образом менять содержание сложившегося в практике конституционного строительства положения, согласно которому высший орган законодательной власти не может быть заранее связан кругом объектов законодательной регламентации, так как это ограничивало бы законодателя в выборе актуальных проблем общественного развития, требующих своего решения²³.

Курс на создание правового государства, последовательное разделение законодательной и исполнительной власти практически означает, что в определении верховенства закона указание на регулирование им важнейших вопросов государственной и общественной жизни стало неработающей теоретической конструкцией. Независимость законодательной и исполнительной власти друг от друга неизбежно приводит к тому, что нормативно-правовыми актами исполнительной власти регулируются не менее значимые отношения, чем законом. Вот несколько доказывающих отстаиваемый нами теоретический тезис примеров из нормотворческой практики бывшего Союза ССР в то время, когда последовательное разделение законодательной и исполнительной властей еще только набирало силу.

Указ Президента СССР от 25 октября 1990 г. «О повышении заинтересованности граждан в хранении сбережений в учреждениях сберегательного

²³ Тихомиров Ю. А. Теория закона. С. 167.

банка»²⁴, указы от 26 октября 1990 г. «Об иностранных инвестициях в СССР» и «О введении коммерческого курса рубля к иностранным валютам и мерах по созданию общесоюзного валютного рынка»²⁵ регулировали значительной круг финансовых отношений, были направлены на оздоровление финансовой системы страны и по степени важности и значимости вряд ли уступали многим законам, принятым Верховным Советом СССР. К числу актов, имевших кардинальное значение на пути перехода к регулируемой рыночной экономике, можно отнести Указ Президента СССР от 4 октября 1990 г. «О первоочередных мерах по переходу к рыночным отношениям»²⁶.

Среди основных признаков объективного социального закона важное место занимает такое его качество, как всеобщность. Закон есть общая связь. Она охватывает сравнительно большую группу качественно однородных явлений. Степень охвата последних определяет меру общности закона. Всеобщность характеризует закон со стороны количества явлений, подпадающих под действие закона и со стороны его пространственного дальнодействия²⁷. Всеобщность (или общность) закона рассматривается обычно в двух значениях. Во-первых, в значении абсолютного охвата действием закона буквально всех явлений без исключения. Данное свойство есть только у основных законов диалектики. Во-вторых, всеобщность употребляется в смысле безусловного охвата всех тех явлений, которые имеют однородность, и они с необходимостью подпадают под действие закона, даже если он имеет строго очерченные границы действия²⁸.

Первому значению данного признака объективного социального закона соответствует деление юридических законов по объему правового регулирования с выделением в самостоятельную группу так называемых общих законов, к которым относится конституция. Но в отличие от объективных социальных законов, имеющих универсальный характер и охватывающих абсолютно все явления без исключения,

²⁴ Известия. 1990. 27 окт.

²⁵ Там же.

²⁶ Известия. 1990. 6 окт.

²⁷ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 32; Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики. Иркутск, 1971. С. 39.

²⁸ Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики. С. 38.

предмет (объем) законодательного регулирования конституций хотя и необычайно широк, но все же имеет свои границы, не говоря уже о других конституционных законах, предмет регулирования которых значительно уже, и обыкновенных законах. И в этом плане можно вести речь лишь о некотором подобии юридических законов объективным социальным законам, но отнюдь не об их тождестве.

Что же касается признака всеобщности социального закона во втором его значении, то ему, на наш взгляд, соответствует общий характер норм права, выраженных в форме юридического закона. Норма права — правило поведения общего характера, рассчитанное на неопределенное число случаев, обращено ко всем, оказавшимся в ситуации, предусмотренной нормой права. Как пишет А. С. Пиголкин, для нормы права важно то, что определенное должностное лицо, орган, группа лиц или органов заранее не персонифицированы, норма права регулирует их права и обязанности вне зависимости от того, кто персонально является данным должностным лицом или входит в состав органа или группы лиц²⁹.

Признак всеобщности объективного социального закона означает, что все явления, подпадающие под его действие, не могут не подчиняться его требованиям. Закон не терпит исключений, он всеобщ³⁰. Иной характер признака всеобщности у юридического закона. Он отличается от всеобщности социального закона по крайней мере двумя моментами. Во-первых, юридический закон нарушается. Русский ученый Н. М. Коркунов, имея в виду данное свойство юридического закона и сравнивая его с объективным законом, писал: «...Нормы могут быть нарушены, нарушить же закон невозможно»³¹. В этом состоит первый изъян всеобщности юридического закона. Во-вторых, в юридическом законе по воле законодателя могут быть предусмотрены исключения самого разного характера: по времени и месту его действия, кругу физических и юридических лиц и т. д. «Во имя блага,— подчеркивал профессор М. Н. Капустин,— право отступает от своей строгой формы, от механического порядка и логических обобщений. Оно вступает в область жизненной правды и признает

²⁹ Пиголкин А. С./Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 74.

³⁰ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 38.

³¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 48.

действительное неравенство там, где формально предполагает равенство»³².

Исключения такого рода у социального закона отсутствуют. Люди могут познать социальный закон и действовать в соответствии с его требованиями, но установить для себя «льготы» в виде исключений из него не в состоянии. Вместе с тем следует иметь в виду, что природа социальных законов характеризуется статистичностью, а природа принципа всеобщей взаимной связи противоречивостью. Связь всего со всем в обществе по одним параметрам предполагает ее отсутствие по другим. Реализуется это в случайности как форме проявления и дополнения необходимости³³.

Но если законы общества носят статистический (вероятностный) характер, то юридический закон такого качества не имеет. Должное в юридическом законе допускает лишь те исключения, которые в нем предусмотрены. В плане сближения юридического закона с законом социальным было бы весьма полезно выяснить, каким образом вероятностный характер социального закона связан (и связан ли вообще) с конструкцией исключений, используемой в законотворчестве. Но это самостоятельная крупная проблема теории законодательства. Не вдаваясь в ее обсуждение по существу, можно высказать предположение о том, что между случайностями, которыми богата природа социального закона, и исключениями в юридическом законе нет прямой причинно-следственной связи. Случайности не поддаются прогнозу и не могут быть запрограммированы, а поэтому не могут быть точно и однозначно предусмотрены в юридическом законе. Лишь такие оценочные понятия, как «с учетом обстоятельств дела», «и другие смягчающие обстоятельства», «с учетом личности» и т. п., могут быть расценены как способ законотворчества, используемый законодателем, для приспособления юридического закона к вероятностной природе объективного социального закона.

Оценивая соотношение объективного социального закона и закона юридического по признаку всеобщности в целом, можно сделать вывод о том, что между социальным и юридическим законами по этому свойству гораздо больше

³² Капустин М. Н. Теория права. Общая доктрина. М., 1868. С. 97.

³³ Шляхтенко С. Г., Шляхтенко Г. П./Проблема закона и закономерности в обществознании. М., 1975. С. 18.

различий, нежели подобия. Причем различия носят настолько принципиальный характер, что трансформировать всеобщность социального закона в соответствующее свойство юридического и тем самым сблизить два вида законов ни теоретически, ни практически невозможно.

Объективный социальный закон включает в себя повторение определенных связей, определенного взаимодействия явлений, устойчивость этих связей³⁴. На устойчивость как наиболее характерный признак закона обращал внимание в «Новом органоне» Ф. Бэкон. В ряде высказываний Г. В. Гегель указывал на устойчивость как признак закона. Закон явления — это «то,— писал он,— что остается равным себе в смене явлений»³⁵. В другом месте Г. В. Гегель подчеркивал, что «царство законов есть спокойное отображение существующего или являющегося мира»³⁶.

В. И. Ленин пришел к выводу о том, что «закон — спокойное отражение явлений»³⁷, что «закон есть прочное (остающееся) в явлениях»³⁸.

Как бы резюмируя имеющиеся в философской литературе высказывания о рассматриваемом признаком объективного социального закона, В. Н. Голованов пишет, что закон выражает не весь процесс, а только его сторону, именно момент «спокойного» в бесконечной смене явлений, «Прочное», «остающееся», «идентичное» — вот те предикаты, которые делают закон тем, чем он является»³⁹.

Основой устойчивости, повторяемости связей являются условия действия закона. Закон может действовать лишь в определенных условиях, которые нельзя отрывать от самого закона, а изменение условий часто вызывает и смену самого закона. Можно сказать: какие условия, такой и закон. С возникновением новой базы, т. е.

³⁴ Туленов Ж. Закон как философская категория. Алма-Ата, 1959. С. 58; Артемова В. Г. Содержание и структура категории закона: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1970. С. 18; Приписное В. И. Механизм действия социальных законов и объективный фактор. Душанбе, 1972. С. 31—32; Фролов В. В. Общественные законы в условиях социализма: Филос.-социол. анализ. М., 1990. С. 43—51.

³⁵ Гегель Г. В. Соч. Т. V. М., 1937. С. 597.

³⁶ Там же. С. 602.

³⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 29. С. 137.

³⁸ Там же. С. 137.

³⁹ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 31.

новых условий, возникает и новый закон.

Прочность и постоянство закона связаны с повторяемостью явлений в сходных условиях. Без этой повторяемости невозможен ни закон, ни его использование человеком. Прочность закона выражается в сохранении существенных черт явления в процессе его развития⁴⁰, повторяемость же представляет собой внешнее выражение устойчивости закона, форму его бытия⁴¹.

Вместе с тем у объективного социального закона нет абсолютной, «чистой» повторяемости, потому что каждый новый цикл повторения отличается от предыдущего не только во временном плане, но прежде всего по существу. В силу данного обстоятельства наряду с устойчивостью объективному социальному закону присуща и относительная изменчивость. Именно потому, что общественные законы есть законы деятельности людей, а последняя характеризуется постоянным динанизмом, объективные социальные законы оказываются подверженными большим изменениям.

Анализируя юридический закон в плане его соотношения с рассмотренными свойствами объективного социального закона, можно выделить три момента.

1. Как для социального, так и для юридического закона чрезвычайно важны условия действия. Но если в любом объективном социальном законе последние являются его органической составной частью, то в юридическом законе условия имеют внешнюю природу, и от того, насколько точно они учтены и отражены в нем, зависят его действенность, эффективность и жизнеспособность. В теории закона этот вопрос имеет огромное самостоятельное значение и требует отдельного исследования. Здесь же следует отметить, что в теории и практике законотворчества, особенно в последние годы, условиям действия закона уделяется крайне мало внимания, а иногда они и вовсе игнорируются. Ориентируясь на передовой зарубежный опыт, наш законодатель часто теряет из виду то обстоятельство, что принимаемый им закон будет действовать в среде, имеющей свои правовые традиции и свою историю, свой уровень политической

⁴⁰ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 31.

⁴¹ Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование. С. 65—73.

и правовой культуры, а потому даже самые эффективные в условиях других государств законы у нас в стране могут не работать. Если для социального закона верно выражение: какие условия, такие и законы, то для закона юридического оно звучит иначе — закон должен быть таким, какие условия его действия.

В приближении юридического закона к реальным условиям действия видится важный путь к повышению его действенности, авторитета и верховенства. Здесь просматриваются неограниченные возможности в сближении юридического закона с объективным социальным законом. И, несмотря на отмеченные нами различия между юридическим и социальным законом в условиях, действия, для законодателя как раз очень важно такочно привязать закон к конкретным условиям его действия, «прирастить» его к среде, чтобы юридический закон был бы естественным следствием сложившихся условий жизнедеятельности общества. В методологическом отношении прав Г. В. Мальцев, указывая, что право как государственно-властный регулятор имеет дело с проблемами, которые находятся не внутри самоорганизующегося процесса, а на его *границах* (курсив наш.— Н. С.), во многих случаях оно отказывается от непосредственного нажимного вмешательства и методов прямой регламентации социальных отношений, контролируя последние лишь на «входе» и «выходе»⁴². Именно таким своеобразным «входом» для юридического закона и являются условия его действия. Насколько прочно законодатель владеет им, определяется результативность его воздействия на общественные отношения, эффективность закона.

2. Вместе с тем смысл бытия юридического закона не сводится, как известно, лишь к учету и отражению условий, породивших его. Он призван активно воздействовать на эти условия. Регулируя же в нужном направлении общественные отношения, участвуя в их преобразовании, закон тем самым расшатывает и основы своего действия, т. е. чем эффективнее юридический закон выполняет свое назначение, тем быстрее он теряет свою жизнедеятельность, ибо с изменением условий, вызвавших его к жизни, должен меняться и сам закон. В этом смысле эффективность юридического

⁴² Вопр. философии. 1990. № 6. С. 18.

закона отрицательно влияет на его стабильность, устойчивость.

3. Юридический закон, если он в состоянии воздействовать на условия, вызывающие к жизни объективные социальные законы, в состоянии воздействовать на сами эти законы. Здесь, на наш взгляд, и лежит ключ к ответу на вопрос, давно обсуждаемый юридической наукой: может ли юридический закон изменять существующие и способствовать возникновению новых общественных отношений? «Исправление, изменение общественных отношений, подчеркивал В. И. Ленин,— разумеется, возможно лишь тогда, когда исходит от самих членов этих исправляемых или изменяемых общественных отношений»⁴³. Творческая сила юридических законов, а, следовательно, их авторитет и верховенство напрямую определяются тем, на сколько сильно они воздействуют на участников общественных отношений, в состоянии ли они влиять на мотивы и интересы при выборе вариантов поведения, т. е. на условия своего действия. По нашему мнению, в содержательном, а не в формальном смысле слова верховенство закона определяется тем, что посредством именно данной формы права общество в лице государства, используя экономическую, финансовую, политическую и иную мощь, может реально воздействовать на условия своего бытия, оказывать влияние на объективные социальные законы, изменять их. Иные источники права (прецедент, правовой обычай, договор, доктрина и т. д.) в силу своей природы в этом процессе не могут быть задействованы. И хотя появление этих источников права часто предопределяется деятельностью органов высшей законодательной власти, качеством воздействия на общественные отношения в рассматриваемом смысле слова они не обладают, а следовательно, и содержательным свойством верховенства не располагают.

Как было отмечено, объективный социальный закон осознается и используется человеком благодаря повторяемости связей между явлениями в сходных условиях. Данное свойство социального закона лежит, на наш взгляд, в основе возможности создания общих правил поведения, норм права и юридического закона. Повторяемость

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 387—388.

связи, однако, не раскрывает ни ее существа, ни направленности, она лишь указывает на то, что связь существует реально, есть способ бытия связи, ее форма. Таким образом, юридический закон, в основе которого лежит повторяемость связи, имеет дело с формой объективного социального закона. В этом и состоит одна из тех сложностей, с которыми сталкивается законодатель. Вынужденный ориентироваться на устойчивость процесса, повторяемость интересующих его связей, он может упустить из виду самое содержание и направленность связи.

Отсутствие абсолютной, «чистой» повторяемости, изменчивость связи между явлениями и процессами служат по сути дела ориентиром законодателю, по которому он судит о соответствии либо несоответствии юридического закона объективной реальности. Общепризнано, что юридический закон должен обладать определенным запасом стабильности, устойчивости, чтобы выполнять роль социального регулятора. Не вызывает возражения и положение о том, что адекватность отражения в юридическом законе процессов общественной жизни — гарантия его полезности и эффективности. Но при постоянной изменяемости объективного социального закона реализовать одновременно и до конца указанные требования в отношении юридического закона нельзя.

Один из парадоксов (диалектических противоречий) системы законодательства состоит в следующем: чем быстрее система законодательства реагирует на изменение внешней среды, тем быстрее она развивается и изменяется, но ее быстрое изменение не отвечает потребности в стабильной системе законодательства. Законодатель должен делать выбор: либо стабильность юридического закона и неадекватность отражения в нем реальностей, либо адекватное отражение связей и постоянная изменяемость закона. Возможен и средний вариант — относительная стабильность закона и нарушение адекватности. Искусство законодателя во многом определяется тем, насколько он в состоянии сбалансировать в каждом конкретном случае стабильность закона с адекватностью его содержания регулируемым отношениям (предмету регулирования). А от этого, в свою очередь, зависит и качество принимаемых им законов. Но в любом случае, когда речь идет о повышении верховенства закона, необходимо иметь в виду, что как требование стабильности закона, так и требование адекватного отражения в нем

регулируемых отношений имеют относительный, условный характер, а потому не могут быть главными, основными факторами в этом деле.

Объективный социальный закон и закон юридический представляют две самостоятельные системы. Отличие систем, как верно подчеркивает А. Н. Аверьянов, состоит в том, что они разнятся «в качестве и скорости обмена с окружающей средой, в форме внутреннего движения систем, в уровне и типе их организации и их структуре во времени их существования»⁴⁴.

В юридической литературе при определении предмета регулирования закона рассматривались свойства типичности и устойчивости общественных отношений. Об этих свойствах отношений писал П. Е. Недбайло⁴⁵. Болгарский ученый Б. Спасов видит предмет регулирования закона в отношениях наиболее стабильных, поддающихся длительной регламентации⁴⁶. Анализируя высказанные в литературе взгляды на предмет регулирования закона Е. А. Лукьянова приходит к выводу, что отношения, под лежащие регламентации законом, должны оцениваться по трем критериям: особой значимости, типичности и устойчивости⁴⁷. «Такой тройной подход,— подчеркивает она,— пожалуй, наиболее полно отражает специфику и всесторонне определяет особенности объекта законодательного регулирования»⁴⁸.

Как было показано выше, понятие особой значимости иными словами — важности, общественных отношений практически и теоретически непригодно для определения предмета законодательного регулирования. Нельзя так же считать таковыми, на наш взгляд, свойства типичности и устойчивости общественных отношений. Дело не только в том, что устойчивость, а следовательно, и типичность общественных отношений имеют относительный характер. Важны свойства общественных отношений не сами по себе, а в их соотнесенности со свойствами юридического закона и возможность выразить первые во вторых, скоррелировать их

⁴⁴ Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 109.

⁴⁵ Недбайло П. Е./Уч. зап. Львовского ун-та. Сер. юрид. Т. 14, Вып. 1. 1949. С. 6.

⁴⁶ Спасов Б. Закон и его толкование. М., 1986. С. 11, 14.

⁴⁷ Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственной права. С. 30.

⁴⁸ Там же. С. 30.

между собой и добиться наибольшего совпадения, придать общественным отношениям адекватную форму юридического закона и обеспечить их развитие в нужном направлении. Именно к этому и сводится смысл теоретических поисков предмета законодательного регулирования. Но ни типичность, ни устойчивость общественных отношений, как бы они не были важны, не позволяют в полной мере выполнить эту задачу с помощью юридического закона. Законодатель, ориентирующийся только на них, подобен улитке, которая скользит по поверхности предмета, следует его рельефу, но не предвидит конца пути и не в состоянии, поэтому выбрать оптимальный маршрут своего движения.

Объективный социальный закон есть необходимая связь⁴⁹. Необходимость — основа закона, одна из форм проявления всеобщей необходимости (детерминированности). Необходимость, неизбежность — неотъемлемая черта закона. Само понятие закона как нечто обязательное, «принудительное» для исполнения связано именно с наличием этой черты⁵⁰. Необходимость обнаруживается в строго определенном порядке течения процессов, без которого невозможно осуществление объективного социального закона. Как неотъемлемая черта закона необходимость указывает на обусловленность наступления тех результатов, которые вытекают из законов. В Предисловии к первому изданию «Капитала» К. Маркс писал: «Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью»⁵¹.

Необходимость — процесс неизбежный и обязательный. Если имеются соответствующие условия, то неизбежно следуют и определенные результаты. В этом состоит принудительная сила закона. Но закон не нечто статическое и не поддающееся временному анализу отношение. Закон не задается заранее и не существует как готовая сложившаяся связь. Закон есть формирующееся в процессе своего осуществления необходимое отношение.

⁴⁹ Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1954. С. 49—50; Гончарук С. И. Общественные законы и закономерность. М., 1977. С. 13; Рачков А. П./Проблемы закона в общественных науках. М., 1989. С. 5.

⁵⁰ Тугаринов В. П. Законы объективного мира, их познание и использование. С. 50.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

Закономерная связь возникает не мгновенно, а является результатом порой довольно длительного процесса⁵². Вместе с тем под необходимостью понимается строго определенный порядок развертывания взаимосвязанных явлений или звеньев одного и того же явления, благодаря которому процесс при данных условиях протекает именно так, а не иначе.

Законы общественного развития не являются по отношению к обществу требованием какой-то внешней силы, воли большинства или воли «влиятельного» меньшинства. Они продукт исключительно внутренней самоорганизации общества, формируются объективно на основе материального производства из сознательных действий масс людей, преследующих свои цели. Выполняя требования законов, общество постоянно воспроизводит само себя⁵³. Г. В. Мальцев правильно отмечает, что проблема отношения юридической нормы к социальному закону саморазвивающегося-раморегулирующегося, самоорганизующегося процесса, которая до сих пор мало беспокоила юридическую науку, становится теперь для нее одной из главных и жизненно важных⁵⁴.

Свойство необходимости социального закона лежит в основе фундаментальных качеств права и закона. Так, необходимость, на наш взгляд, обуславливает такое свойство права, как его нормативность. Прав Е. В. Бурлай, указывая на то, что та или иная форма человеческого поведения объявляется должной постольку, поскольку она выражает в большей или меньшей степени общественную необходимость⁵⁵. Не воля законодателя, а необходимая связь, выраженная в законе, обеспечивает его общезначимость и общеобязательность. «Точка зрения законодателя,— подчеркивал К. Маркс,— есть точка зрения необходимости»⁵⁶. Воля же законодателя состоит в том, «чтобы открыть и сформулировать действительный закон»⁵⁷. Законодатель призван выражать во вне, в писаной форме нормативность права (необходимость социального закона), придать ей внешнюю,

⁵² Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. С. 33.

⁵³ Гончарук С. И. Общественные законы и закономерность. С. 45.

⁵⁴ Вопр. философии. 1990. № 6. С. 18.

⁵⁵ Бурлай Е. В. Нормы права и правоотношения в социалистическом обществе. Киев, 1987. С. 18.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 164.

⁵⁷ Там же. С. 359.

формально определенную («законную») форму бытия. Правда, законодатель не только формулирует необходимые связи, но и устанавливает пределы и формы, в которых он политически допускает реализацию таких связей.

В свете изложенного вполне правомерным представляется вывод о том, что юридическая сила закона определяется в конечном счете не государством, а силами, способными удерживать в определенных условиях необходимое отношение, регулируемое законом. Сила юридического закона обеспечивается не столько мощью государственного принуждения, сколько энергией и средствами, механизмами и формами человеческой деятельности, посредством и через которую складываются необходимые связи, отражаемые в нем.

«Право, — отмечал М. Н. Капустин, — тесно связано с природой отношений человеческих, с физическими и духовными потребностями людей, к сохранению которых оно призвано и из которых оно вытекает. Поэтому право находит и средства принуждения в той же природе человека, в его инстинктах и сознании»⁵⁸. При дестабилизации человеческой деятельности, нарушении необходимых связей между людьми юридический закон теряет свое значение и силу. Пример тому — история с Указом Президента СССР от 27 октября 1990 г. «О неотложных мерах по стабилизации хозяйственных связей в четвертом квартале 1990 года и в течение 1991 года»⁵⁹. В условиях, когда предыдущая программа экономических преобразований предоставила право самостоятельного поиска партнера и заключения договоров, стимулировала процессы установления новых связей, даже Указ Президента СССР был не в состоянии повернуть эти процессы вспять. Он фактически не имел юридической силы и не соблюдался, несмотря на то, что внешние необходимые атрибуты его юридической силы были налицо.

Второй пример доказываемому тезису — Закон Верховного Совета бывшего СССР от 24 октября 1990 г. «Об обеспечении действия законов и иных актов законодательства Союза ССР»⁶⁰. Ст. 1 данного закона фактически дублировала ст. 74 Конституции СССР. Положение о том, что в случае если закон республики расходится

⁵⁸ Капустин М. Н. Теория права. Общая доктрина. С. 72.

⁵⁹ Известия. 1990. 29 сент.

⁶⁰ Известия. 1990. 27 окт.

с законом СССР, то должен действовать закон СССР, а равно положение об одинаковой силе закона бывшего Союза ССР на территории всех бывших республик, был важнейшим принципом построения системы законодательства. Фактическая реализация данного принципа обеспечивалась до тех пор, пока реальная практика следовала закрепленному в Конституции СССР принципу. Когда же бывшие союзные республики, провозгласив верховенство республиканских законов, «узаконили практику» несоблюдения принципа верховенства союзных законов, то последние, не потеряв внешних атрибутов верховенства и высшей юридической силы, фактически потеряли былой авторитет и прежнюю силу.

Сила юридического закона есть не что иное, как тенденция к определенной деятельности, а точнее — к ее направленности, и, следовательно, по существу совпадает с физическими, моральными, интеллектуальными волевыми усилиями участников общественных отношений, обеспечивается прежде всего их общими усилиями. Душевые и физические силы, определяющие деятельность масс людей, и юридическая сила закона вовсе не так далеки друг от друга, как это представляется при самом общем взгляде на проблему юридической силы закон; В этом плане юридическая сила закона напрямую зависит от умения законодателя верно уловить, познать и правильно отразить во властных предписаниях логику общественных отношений их необходимую связь⁶¹.

Государственное принуждение составляет внешне проявление юридической силы закона, в то время как существо ее кроется за пределами закона как такового. Необходимость государственного принуждения лишь указывает на то, что закономерности бытия юридическое закона как акта-документа и объективные социальные законы регулируемых им общественных отношений лежат в разных плоскостях⁶². Внешнего государственного принуждения для обеспечения юридической силы закона требуется тем больше, чем меньше отражена в нем необходимая связь регулируемых процессов. В этом смысле авторитет и верховенство закона, как это ни кажется парадоксальным, тем выше, чем реже для своей реализации юридический

⁶¹ Дудин А. П. Диалектика правоотношения. Саратов, 1982. С. 76—71

⁶² Нанетшвили Г. А. Действительность права и опыт обоснован» нормативных фактов. Тбилиси, 1987. С. 33.

закон нуждается во внешней силе со стороны государства. И, наоборот, его авторитет и верховенство значительно повышаются, когда реализация закона обеспечивается костной, мускульной и умственной силой нормальной жизнедеятельности общества. «И если познано,— подчеркивает К. Маркс,— что закон вещи противоречит ее определению в законодательстве, почему не признать тогда закон самой вещи, закон разума также и государственным законом»⁶³. Ибо такое приведение государственного закона в соответствие с законом вещи способствует повышению авторитета и верховенства закона, значительно повышает его юридическую силу.

Действие того или иного социального закона есть одновременно и воспроизведение определенной существенной связи в жизнедеятельности общества. Содержание механизма действия социального закона складывается из совокупности определенных, объективно обусловленных форм деятельности людей, отношений между ними, информационных связей, а также тенденций в развитии общественных процессов. Механизм действия закона есть не что иное, как воспроизводство и развитие конкретных причинно-следственных связей, воспроизводство и повторение одних и тех же этапов и стадий деятельности⁶⁴. Причем необходимость закона и проявляется в строгой последовательности этапов действия закона. Если пропущен хотя бы один из этапов действия, то не может наступить следующий. Результат появляется лишь в том случае, если последовательно осуществлены все предшествующие этапы действия закона⁶⁵.

У действия юридического закона очень много схожих черт с действием закона социального. Так, одно из важных требований законности в процессе реализации закона состоит в строгом соблюдении всех предусмотренных им стадий. И это требование отнюдь не формальное. Дело в том, что жизненную и реальную силу воздействия на социально-экономические процессы юридические законы получают, как это было убедительно доказано К. Марксом, тогда, когда устанавливаемый ими порядок

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 283.

⁶⁴ Зеркин Д. П. Объективные законы общественного развития и политика. М., 1982. С. 38—39.

⁶⁵ Приписнов В. И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе, 1972. С. 48.

социальных процессов находится в согласии с господствующим способом общественного производства⁶⁶.

Вместе с тем строгая последовательность определенных стадий, этапов действия для большинства юристов, однако, чаще всего очевидна лишь на уровне действия, отдельного юридического закона. Юридическая наука практически не ставила и не решала эту проблему в отношении системы законодательства в целом, особенно применительно к широкомасштабным реформам законодательства. Положение о том, что законодательство должно обеспечивать проводимые в стране экономические в политические преобразования, воспринималось и реализовывалось таким образом, что любое социально-экономическое мероприятие должно было облекаться в форму закона. Игнорировался тот факт, что у законодательства есть свои закономерности, своя логика развития и бытия, часто не совпадающие с закономерностями и логикой проводимых реформ в других сферах жизни общества.

Стратегия развития законодательства, конечно же, должна опираться на стратегию социально-экономических преобразований, но не может быть полностью сведена к ней. Нельзя не учитывать то обстоятельство, что законодательство, опираясь на закономерности социальной жизни, развивается в то же время и по своим собственным законам. Пренебрежение этим недопустимо, ибо разрушает систему законодательства. Примером рассогласования объективных социальных законов и закономерностей, присущих юридической форме, является очередность принятия в 1987 г. законодательства о борьбе с нетрудовыми доходами и законодательства об индивидуальной трудовой деятельности. С позиций собственно законодательных закономерностей при сложившемся разрешительном способе правового регулирования определению нетрудовых доходов (а тем более — борьбе с ними) должно было предшествовать позитивное признание в качестве законных трудовых источников бытия граждан, а не наоборот, как это произошло на практике. Вследствие таких рассогласований законодатель часто вынужден возвращаться к одним и тем же вопросам, устранивая им самим же созданные проблемы.

Отсюда следует, что при определении перспектив развития законодательства не

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 35.

нужно стремиться к копированию в нем объективных социальных законов, что, впрочем, и невозможно в полной мере, а надо попытаться совместить в одну плоскость эти качественно различные системы закономерностей и на этой основе разрабатывать стратегию развития законодательства и перспективные планы законоподготовительных работ.

Нельзя согласиться с А. С. Пиголкиным в том, что планы законопроектных работ служили законодательным обеспечением заданий пятилетних планов социально-экономического развития⁶⁷. Дело обстоит гораздо сложнее. Поскольку закономерности социально-экономического и законодательного развития далеко не совпадают друг с другом, поскольку о законодательном обеспечении планов социально-экономического развития страны можно говорить лишь в той части, где такое совпадение наблюдалось. А поскольку закон юридический, как правило, появляется лишь после того, как уже сформировались или же достаточно четко обнаружили себя закономерности социально-экономического развития, то получается, что планы законопроектных работ практически направлялись на обеспечение тех пятилетних планов, которые были уже выполнены.

Исходная категория, выражающая в механизме действия социального закона основополагающую сторону, которая сохраняется и воспроизводится в последующем движении,— требование закона. Проявляющиеся в социальных интересах требования законов являются сгустком социально-необходимого, концентрированным выражением социальной необходимости. Требования социальных законов могут состоять в воспроизведстве старых или создании новых общественных форм, отношений, условий, обязательных для существования, проявления сути социальных законов⁶⁸.

Законодатель приходит к пониманию требований социальных законов, отталкиваясь от конечных результатов их действия, т. е. проделывает путь, обратный движению социального закона⁶⁹. Иного способа достижения требования социального закона просто не существует. Если результаты действия социального закона

⁶⁷ Пиголкин А. С./Сов. государство и право. 1988. № 1. С. 12—22.

⁶⁸ Яцкевич А. Ф. Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества. Минск, 1982. С. 51, 52, 76.

⁶⁹ Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М., 1957. С. 43

соответствуют интересам законодателя, то они становятся для него целью, которая и выражается в юридическом законе.

Конечный результат действия социального закона превращается в идеал, модель, выступает своего рода законом деятельности законодателя, является для него своеобразным принципом деятельности, нормой (доминантой), воздействует на поведение законодателя как закон. Цель выступает как необходимость, обязывая человека, социальную группу, общество и законодателя к определенным действиям, вынуждая их совершать именно такие, а не иные поступки⁷⁰.

Мечта юристов о том, чтобы юридический закон действовал с такой же необходимостью, как и закон социальный, может быть воплощена отнюдь не в том, чтобы в юридическом законе с максимальной полнотой были отражены требования объективного социального закона, а в том, чтобы в нем с наибольшей полнотой учитывались результаты действия объективных социальных законов, т. е. чтобы адекватно результатам действия социальных законов были сформулированы цели законов юридических.

Требование учета в юридическом законе объективных реальностей, трезвой оценки состояния общественных отношений есть прежде всего требование учета предыдущего опыта, результатов предшествующей деятельности людей, уже осуществившихся требований социальных законов, их реализованной необходимости.

Таким образом, необходимость в юридическом законе есть не что иное, как должное, веление законодателя, основанное на полном учете сущего, осуществившейся необходимости социального закона. Следовательно, необходимость юридического закона в отличие от необходимости социального закона — всегда осознанное (правильно или нет) и выраженное в законе требование (веление) поступать так, а не иначе. В социальном пространстве она имеет направление, обратное движению социальной необходимости.

Но деятельность людей, подвергаясь постоянным изменениям, никогда не копирует полностью предшествующий опыт, не воспроизводит тождественных себе форм, а социальная необходимость всякий раз приобретает новые формы и не может быть в

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 188.

полной мере учтена и выражена в должном величии юридического закона. Так что с этих позиций если сближение юридического закона с законом социальным возможно и желательно, то вряд ли осуществимо в полной мере. И подтверждение тому — необходимость государственной силы для реализации должного в юридическом законе. Устанавливая юридическую ответственность за несоблюдение должного в законе, законодатель как бы подтверждает свою неспособность в полной мере выразить в законе требования социального закона, расписывается в своей слабости.

Цель юридического закона определяет его содержание. Она движет действиями законодателя. Чтобы достичь цели, законодатель вынужден считаться с естественным ходом объективного социального закона. «Общество,— подчеркивал К. Маркс,— если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»⁷¹.

Стадии социального закона, его этапы, содержание деятельности, посредством которой реализуется тот или иной социальный закон, интересуют законодателя не сами по себе, а лишь постольку, поскольку их верное понимание и соответствующий учет в законе юридическом позволяют обеспечить достижение поставленных целей. Вмешательство законодателя в процесс действия социальных законов, в регулирование различных сторон человеческой деятельности тем жестче, чем меньше вероятность наступления ожидаемых законодателем результатов действия социальных законов.

Типичной ошибкой многих законодателей является сосредоточение усилий на промежуточных этапах действия социальных законов, расчет на то, что жесткое регулирование деятельности людей, разрешение и запрет хотя и важных, но все же не начальных, основных форм деятельности, позволят добиться надлежащего действия объективных социальных законов, игнорирование того факта, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы»⁷². Цель законодателя — способствовать реализации социальных законов — прежде всего

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 271.

может быть достигнута путем учета, легализации и защиты интересов жизнедеятельности людей. Но в том-то и сложность проблемы, что о подлинных, а не мнимых (верbalных) интересах можно судить лишь по конечным результатам действия социальных законов. Управлять интересом или воздействовать на него в «чистом» виде вне и помимо определенных форм деятельности людей нельзя. Воздействуя же на форму жизнедеятельности людей путем запрета либо разрешения ее, далеко не всегда можно оказывать влияние на интересы, движущие людьми. Дело в том, что объективность социальных законов вовсе не предполагает однообразных, раз и навсегда установленных форм их проявления. Объективность связана с самыми разнообразными формами их реального выражения, с развитием этих форм, а также с тем, что непосредственного, прямого выражения сути законов, их требований, интересов людей обычно не существует⁷³. Именно это имел в виду К. Маркс, когда, критикуя Д. Рикардо, писал, что тот «форму проявления понимает как непосредственное, прямое подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает развития этой формы»⁷⁴. Отсюда понятно, что возможности юридического закона как регулятора объективных социальных законов крайне ограничены.

Юридический закон, будучи отражением социального закона, никогда не может появиться ранее социального закона, потому что нельзя открыть (и соответственно регулировать) несуществующих закономерностей. В этом смысле существенного уточнения требует довольно распространенное в юридической науке положение о том, что юридические законы действуют на общественные отношения. Очевидно, что далеко не всякий и каждый юридический закон выполняет эту роль, а лишь тот, который способствует развертыванию уже зародившихся социальных законов жизнедеятельности людей. И чем лучше это удается законодателю, тем выше престиж и верховенство закона. В этом смысле верховенство закона напрямую определяется тем, насколько полно в нем отражаются и защищаются требования социальных законов. Отсюда следует, что требования объективных социальных законов должны стать требованиями законов юридических.

⁷³ Рачков А. П. // Проблемы закона в общественных науках. М., 1989. С. 7.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч, 2-е изд. Т. 26, ч. 2. С. 111.

Необходимая взаимосвязь социальных явлений и процессов не устраняет в обществе связей случайных. Причинность в обществе носит вероятностный характер. Люди принимают решения по своей воле, действуют каждый со своими целями и интересами, которые очень часто сталкиваются между собой и далеко не всегда совпадают. Все это приводит к тому, что общий результат их усилий проявляется как некоторая равнодействующая множества сил.

Вероятностный характер причинно-следственных взаимосвязей в обществе лежит в основе деления социальных законов на динамические и статистические (вероятностные). Впервые в советской философской литературе выделение этих двух видов социальных законов было сделано С. Т. Мелюхиным⁷⁵. Позже им была дана характеристика этих законов: «Динамическая закономерность представляет такую форму причинной связи, при которой всякое начальное состояние системы однозначно определяет каждое ее последующее состояние. В отличие от этого статистическая закономерность выражает такую форму причинной связи, при которой каждое начальное состояние системы определяет все ее последующие состояния не однозначно, а лишь с некоторой вероятностью, представляющей объективную меру возможности осуществления данного состояния»⁷⁶.

Статистические социальные законы в отличие от динамических проявляются не в каждом отдельном социальном явлении, а во всей совокупности социальных явлений, действий, подчиняющихся данным законам. Поэтому статистические законы являются законами-тенденциями. К. Маркс подчеркивал, что социальные законы «вообще не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем»⁷⁷. Давая характеристику закону-тенденции, он пишет, что это есть не что иное, как «закон, абсолютное осуществление которого задерживается, замедляется и ослабляется

⁷⁵ Мелюхин С. Т. О диалектике в неорганической природе. М., 1960.

⁷⁶ Мелюхин С. Т. // Проблемы возможности и действительности. М.; Л., 1964. С. 48.

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 355.

противодействующими обстоятельствами»⁷⁸. В. И. Ленин отмечал, что социальная закономерность «не может проявляться иначе как в средней, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону»⁷⁹.

Изучению природы законов-тенденцийделено большое внимание в философской литературе⁸⁰. Не вдаваясь в существо имеющихся между учеными-философами разногласий в вопросе о том, все ли общественные законы имеют характер законов-тенденций, на наш взгляд, наиболеезвешенной и обоснованной является позиция А. К. Уледова, который считает, что статистические и динамические законы выражают количественную и качественную определенность одних и тех же взаимосвязанных явлений, поэтому нужно не противопоставлять их, а рассматривать как моменты, стороны выражения определенного закона. При этом содержание закона (его качественная и количественная определенность) и форма проявления раскрываются в понятиях абсолютного (динамического) закона и закона-тенденции. Закон обуславливает основное направление социального развития и потому проявляется как «железная» необходимость, но в то же время он действует и проявляется как результат массовых поступков, как продукт взаимодействия множества факторов с уклонением отдельных социальных явлений и процессов от его требований в ту или другую сторону и в этом смысле характеризуется как закон-тенденция⁸¹. Тенденция — это определенная направленность процесса, которая осуществляется не однозначно, а в качестве итога процесса как результат модификации различными обстоятельствами⁸².

Положение о социальном законе как законе-тенденции, учение о динамической и статистической сторонах закона в оценке возможностей юридического закона имеют

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 257. ⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 68.

⁸⁰ Мишин В. И. Социальная закономерность. Горький, 1970. С. 24—25; Ермолаев И. Д. Законы развития социалистического общества и механизм их использования. М., 1974. С. 28—29; Уледов, . А. К. Социологические законы. М., 1975. С. 156—166; Караваев Г. Г., Белова Л. В.//Проблемы закона и закономерностей в обществознании. Л., 1975. С. 6—11; Яновский Р. Г.//Филос. науки. 1987. № 5. С. 16—17; Рачков П. А. // Проблемы закона в общественных науках. М., 1989. С. 10 и др.

⁸¹ Уледов А. К. Социологические законы. С. 165.

⁸² Яновский Р. Г.//Филос. науки. 1987. № 5. С. 16.

несколько аспектов. Прежде всего юридический закон как акт-документ имеет свои закономерности построения, которые по своему характеру практически ничем не отличаются от динамических социальных законов. Закон строения нормы права, построение системы законодательства в целом по строго иерархическому признаку, определяемому местом издавшего акт органа в системе органов государства, основаны на однозначности причинно-следственных связей. В этом плане требование о максимальном сближении юридического закона с законом социальным фактически выступает как требование к законодателю о создании закона, соответствующего собственным закономерностям бытия писаной формы права, которые характеризуются однозначностью причинно-следственных связей. Несоблюдение этих законов или их сознательное игнорирование не только запутывает систему законодательства, но и разрушает ее изнутри. В свете набирающих в обществе силу тенденций несоблюдения нижестоящими органами при издании нормативно-правовых актов принципа иерархического построения системы законодательства становится очевидным тот факт, что реализация этого принципа является задачей не только законодателя и органов конституционного контроля (суда), но и исполнительной власти.

Конечно, исполнительная власть не должна вмешиваться в прерогативы законодательной власти и не может обязать ее соблюдать в правотворческой деятельности данный принцип. Это дело законодательной власти и органов конституционного надзора. Но исполнительная власть, следуя в своей деятельности предписаниям актов высших органов законодательной власти и актам, строго соответствующим принципам иерархии актов, может косвенно воздействовать на законодательную власть, побуждая ее придерживаться закономерностей построения системы законодательства.

В соотношении юридического закона с содержанием статистических социальных законов можно отметить следующее.

Во-первых, отражая тенденцию в социальных процессах, юридический закон не может полностью охватить ее. И в этом заложена потенциальная предпосылка того, что юридический закон никогда не сможет быть адекватным регулируемым им общественным отношениям.

Во-вторых, статистическая природа отражаемых социальных законов означает, что постоянная корректировка юридического закона есть необходимый и нормальный способ его бытия, а не только следствие каких-то привходящих, преимущественно субъективных обстоятельств. Последние, конечно же, имеют место в практике законотворчества. Ошибки законодателя не исключены и очень часто вынуждают его вносить поправки в законы. Но в философско-методологическом отношении изменения

принятых законов в конечном счете обусловлены природой регулируемых им общественных отношений, особенностями действия социальных законов.

В-третьих, стабильность юридического закона — лишь преходящая форма его существования, в то время как изменяемость является основным способом жизнедеятельности. Поэтому если исходить из содержательного понимания верховенства закона, то его повышению способствовало бы отнюдь не абстрактное требование стабильности закона, а положение о его постоянной корректировке.

Авторы, выступающие за стабильность закона и видящие в этом чуть ли не главный путь повышения его верховенства, не замечают того обстоятельства, что гибкость, т. е. изменяемость, закона не менее значимое его качество, объективное свойство, и поступают нелогично, когда укреплению и реализации одних свойств приписывают магическую силу, способную поднять авторитет и верховенство закона, игнорируя при этом другие, не менее значимые свойства. Такая позиция, будучи реализованной на практике, если и способна (что весьма проблематично) укрепить отдельные свойства закона, то в конечном счете приводит к разрушению целостности закона и объективно направлена на подрыв его верховенства. Все свойства закона должны быть укреплены и обеспечены как в законотворчестве, так и в ходе реализации закона. Только в этом следует видеть перспективный путь повышения престижа и верховенства закона.

Нельзя выдвигать при этом ложные перспективы, не способствующие повышению престижа и верховенства закона. Закон не может и не должен быть «вечно» стабильным и полностью адекватным регулируемым им общественным отношениям. У него есть мера стабильности и мера адекватности, выход за пределы которых подрывает верховенство закона. Можно предположить, что мера стабильности закона может быть определена путем изучения естественного цикла его действия, а мера адекватности — выражена через понятие эффективности.

Учение о статистическом характере социальных законов позволяет по-новому, под иным углом зрения взглянуть не только на юридический закон, но и на другие источники права. Так, на наш взгляд, нецелесообразно противопоставление обычного права праву писаном обычного правотворчества—законотворчеству. Дело том, что обычай как источник права может быть выражен в различных внешних формах. Обычай, существующий лишь в сознании и поведении людей, но не нашедший своей фиксации в письменной форме, ничем не отличается от обычая, сформулированного и выраженного («Законы XII таблиц», «Русская Правда» и т. п.) Как в том, так и в другом случае в качестве источник; права выступает правило

поведения, сложившееся первоначально естественно-историческим путем, а затем санкционированное государством. При этом для общеобязательности обычая не имеет значения тот факт, в какой именно форме он санкционирован: письменной или устной. Таким образом, деление источников права на писанные и неписанные не отражает существа вопроса о видах источников права.

Обычное правотворчество опирается на уже сложившуюся, сформировавшуюся закономерность, на устоявшиеся формы жизнедеятельности. Государственное же законотворчество имеет дело с такими законами-тенденциями, которые еще не имеют вполне устоявшихся форм проявления. Законодатель озабочен не только тем, верно или неверно он отражает направленность социальных процессов, но не в меньшей мере и тем, какие формы поведения людей соответствуют закону-тенденции, а также отклоняются от него. С одной стороны, данное обстоятельство открывает широкие возможности для творчества законодателя, его усмотрения, но, с другой стороны, налагает на него повышенную ответственность.

Каждый из видов правотворчества (закон и правовой обычай) имеет свои достоинства и недостатки. Обычай превосходит закон по точности отражения сложившихся социальных закономерностей и устоявшихся форм жизнедеятельности общества, но он не в состоянии моментально отреагировать на изменение в содержании и направленности социального закона, ибо имеет дело прежде всего с формой социального закона, а не с его содержанием. Закон же способен глубже отразить содержание социального закона, учесть общее направление социальных изменений, но уступает обычай в точности отражения и в способности найти оптимальную форму бытия социальных законов.

Понятие социального закона-тенденции позволяет, на наш взгляд, утвердительно ответить на вопрос о допустимости прецедента в качестве источника права в сложившейся у нас правовой системе. При этом следует исходить из того, что социальные действия людей имеют общие основные признаки и выражают определенную степень их отношения к социальным целям общества выступают, таким образом, в своей совокупности неотъемлемой формой проявления социального закона. Каждая индивидуальная величина входит в среднюю равнодействующую, так как включена в нее, и как таковая оказывает на нее определенное влияние. В то же время она «отклоняется» от средней равнодействующей, а та, в свою очередь, не в полной мере отражает индивидуальную социальную величину.

Природа юридического закона такова, что, ориентируясь на тенденцию, он вольно или невольно огрубляет последнюю и не способен учесть ее действие во всем

многообразии. Законодатель искусственно отсекает от закона-тенденции многие социальные действия, ибо не в состоянии учесть всю их совокупность как наличную в момент принятия закона, так и ту, которая вполне согласуется с выражаемой законом тенденцией, но появляется позже. Но как нет социального закона вне конкретных форм его проявления, как нет тенденции вне конкретных социальных действий, точно так же не должно быть только одной формы права, ориентирующейся лишь на тенденцию социального развития и неспособной учесть индивидуальную величину социального действия.

С философско-методологических позиций необходимость в существовании прецедента как формы права, способной чутко реагировать на изменения в социальном законе тенденции и вовремя выразить все богатство и многообразие форм ее проявления, не вызывает сомнений. При этом прецедент позволяет безболезненно для общества адаптировать юридический закон к правовой системе. В этой связи интерес представляет мнение юриста-практика З. И. Корневой. Отвечая на один из вопросов корреспондента «Комсомольской правды» по поводу не имевшего аналогов в советской правовой системе жалобы генерал-майора КГБ СССР О. Д. Калугина на незаконные действия Президента СССР, Председателя Совета Министров СССР и Председателя КГБ СССР, она, в частности, сказала: «Но ситуация эта, надо признать, необычная, она требовала ответа на очень многие вопросы: о правовом положении Президента, Председателя Комитета, Предсовмина. В общем, мы нередко берем дела, связанные с применением нового закона, то есть идем по пути создания прецедента»⁸³.

Существование прецедента как источника права отнюдь не подрывает авторитета закона, а, наоборот, как бы это ни казалось на первый взгляд парадоксальным, способствует повышению его верховенства. Органично дополняя закон, прецедент позволяет правовой системе в целом наиболее полно отразить противоречивые и далеко не однозначные процессы в общественной жизни и чутко реагировать на них. Закон же можно использовать для отражения более глубоких тенденций социального развития, решения кардинальных, стратегических вопросов жизни общества. А степень полноты реализации тенденций зависит от учета всего многообразия конкретных социальных действий, что можно было бы сделать с помощью прецедента.

⁸³ Орлюк С./Комсомольская правда. 1990. 10 ноябр.

Сказанное о соотношении социального закона-тенденции и динамического социального закона с законом юридическим позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения своего строения как акта-документа и собственно законодательных закономерностей юридический закон скорее всего относится к законам динамического характера. В то же время содержание юридического закона должно быть построено по принципам законов статистического порядка — такова природа отражаемых им социальных связей. В этом видится одно из главных внутренних противоречий бытия юридического закона. С помощью логических суждений, построенных на однозначности причинно-следственных зависимостей, законодатель призван выразить статистическую (вероятностную) природу социальных взаимосвязей. Эта проблема требует самостоятельного изучения и будет рассмотрена в главе 4 настоящей работы.

Взаимодействие объективных социальных законов порождает закономерность общественного развития. В философской литературе обсуждался вопрос о соотношении понятий «закон» и «закономерность», высказывались далеко не одинаковые суждения по данному вопросу. На наш взгляд, ближе к истине мнение тех ученых, которые не проводят существенных, принципиальных различий между этими понятиями⁸⁴. В. И. Ленин поддерживал мысль Л. Фейербаха, который признавал «объективную закономерность в природе... отражаемую лишь приблизительно верно человеческими представлениями о порядке, законе и проч.»⁸⁵ В другом месте он отмечал, что: «идея причинности, необходимости, закономерности и т. и является отражением в человеческой голове законов природы, действительного мира»⁸⁶. Таким образом, для В. И. Ленина законы — это прежде всего категории науки, которые отражают в человеческой голове универсальную закономерность движущейся и развивающейся природы, ее законов.

Вместе с тем между понятиями «закон» и «закономерность» имеются различия. Закон выражает конкретную связь между явлениями и процессами. Закономерность указывает на общий характер процесса, который представляет собой не хаотичное скопление случайностей, а подчинен определенной последовательности. Точно взаимосвязь и различие закона и закономерности подметила К. Г. Хайна: «Если закон характеризует устойчивость и в природе и обществе, то закономерность, представляя собой мерность законов, ритм, их поступь, есть не что иное, как движение законов, их взаимопереходы, характеризует изменчивость действительности»⁸⁷.

Закономерность общественного развития складывается на основе действия и взаимодействия законов, выражает требования нескольких законов или целой их совокупности. Закономерность включает в себя закон как часть, как сторону, грань⁸⁸. Законы выражают наиболее глубинные и устойчивые связи и отношения, они меньше поддаются изменениям в процессе движения общества, закономерность же, выступая

⁸⁴ Глазерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. С. 19 —20 и др.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 159.

⁸⁶ Там же. С. 6.

⁸⁷ Хайна К. Г.//Личность и общество. М., 1909. С. 41.

⁸⁸ Ермолаев И. Д. Законы развития социалистического общества и механизм их использования. С. 14.

в известной мере синтезирующим фактором и формой проявления требований о активных социальных законов, имеет более подвижный характер⁸⁹. Законы взаимосвязаны между собой таким образом, что связь носит противоречивый характер. В закономерность включаются и такие законы, которые составляют как бы противоположные стороны закономерности, т. е. их действие может быть прямо противоположным или по крайней мере не совпадать⁹⁰.

Для юридической науки, в которой практически проводятся различия между понятиями объективного социального закона и общественной закономерности, изложенное выше имеет важное значение. Прежде всего состоит в том, что общественная закономерность, выражая определенную направленность общественного развития, будучи результатом взаимодействия законов, может быть полностью выражена в каком-то одном, пусть даже и имеющем самый общий характер законе, например конституции государства. Лишь система законодательства в целом может претендовать в какой-то мере эту роль. В то же время конкретный объективный социальный закон в принципе может быть отражен в одном или нескольких юридических законах.

Положение о том, что общественная закономерность более изменчива, чем объективный социальный закон ставит проблему стабильности юридического закона системы законодательства в целом в несколько необычную, ранее в юридической науке не обсуждавшуюся плоскость. Традиционно считалось, что законы, другие нормативно-правовые акты могут и должны подвергаться постоянным изменениям, но система законодательства должна сохранять в целом стабильность и быть устойчивой. В свете сказанного о стабильности и устойчивое объективного социального закона и общественной закономерности возникает вопрос: как обеспечить больший динамизм и подвижность системы законодательства при более стабильных юридических законах? Учитывая неоднозначность имеющихся в юридической науке мнений как по вопросу о том, что понимать (как круг нормативно-правовых актов) под системой

⁸⁹ Сирин А. Д./Вопросы марксистской философии и эстетики

⁹⁰ Там же. С. 57.

законодательства, так и по вопросу о допустимости в нашей правовой системе иных, кроме законов, источников права можно в принципе предложить следующий вариант решения указанной проблемы.

Динамизм системы законодательства при устойчивом положении юридических законов может быть обеспечен за счет подвижности нормативно-правовых актов исполнительной власти. Для того чтобы система законодательства наиболее полно отражала общественную законе мерность, а также чтобы была обеспечена относительная стабильность закона, необходимо теоретически исходить из того, что это можно сделать, если считать нормативно правовые акты исполнительной власти неотъемлема частью системы нашего законодательства, а за исполнительной властью признать безусловное право на их издание.

Существование в системе законодательства нормативно-правовых актов исполнительной власти, а также право исполнительной власти на нормотворчество не подрывают верховенства закона, а, наоборот, способствуют его укреплению. Дополняя органически юридические законы и способствуя наиболее полному выражению и закреплению общественной закономерности, нормативно-правовые акты исполнительной власти тем самым обеспечивают механизм взаимодействия объективных социальных законов, их ритм и соответственно усиливают регулятивный потенциал закона. В этом плане именно акты исполнительной власти, а не законы связывают в едино логическое целое систему законодательства, делают ее гибкой и способной наиболее полно отразить регулируемые общественные отношения и обеспечить общую направленность социальных процессов. Поэтому-то и стратегия развития законодательства, построенная с учетом общей направленности общественного развития, должна включать в себя не только перспективы развития комплекса юридических законов, но и систему связующих и обеспечивающих реализацию этих законов нормативно-правовых актов исполнительной власти. Без актов исполнительной власти невозможно в полной мере обеспечить реализацию общественных закономерностей.

ГЛАВА 3

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАКОН И ЗАКОНЫ НАУКИ

В философской литературе можно считать устоявшимся мнение о том, что законы науки существуют относительно самостоятельно, представляют собой особую группу законов. Будучи сформулированными, они в той или иной мере обособляются от реальной, отражаемой ими действительности, а часто и противопоставляются ей как особые, независимые явления. Ф. Энгельс писал, что законы, «абстрагированные из реального мира..., противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне..., с которыми мир должен сообразовываться»¹.

Значительное внимание законам науки уделил известный философ М. Бунге². Он пришел к выводу о том, что следует различать законы природы, мышления, общества, которые он назвал имманентными, и утверждения о законах — конструкты (гипотезы), именуемые им научными законами, которые являются различными воспроизведениями объективных законов на уровне рационального мышления. Законы науки, по мнению М. Бунге, никогда полностью не воспроизводят и не исчерпывают объективных законов. Это доказывается тем, считает он, что законы науки постоянно совершенствуются, в то время как объективные законы природы и общества постоянны.

Имманентные законы и законы науки различаются между собой по своей объективной природе, Законы природы и общества действуют независимо от нас³. Объективность же законов науки не похожа на объективность имманентных законов. Законы науки, будучи по своей природе истинами, имеют двойственную природу. Они объективны по содержанию и субъективны по форме выражения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 38.

² Бунге М. Причинность. М., 1962. С. 284—285.

³ Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики. С. 49.

Законы науки есть копия, образ, отображение реальных отношений, они существуют в понятийной форме, в форме знаков и символов. Вне и помимо человека законов науки не существует⁴.

Законы науки отличаются от имманентных законов и по содержанию. Это различие выражается прежде всего в том, что законы науки не могут в полной мере и полном объеме выразить то, что составляет содержание объективных социальных законов. И дело здесь не только в том, что процесс человеческого познания бесконечен, а законы науки выражают лишь достигнутый уровень познания объективных социальных законов и, следовательно, знания о них постоянно углубляются и уточняются. Такое понимание несовпадения объективных социальных законов и законов науки по их содержанию совершенно правильное, но и достаточно тривиальное. В. Г. Голованов дополняет это положение мыслью о том, что законы науки выражают содержание объективных социальных законов не только не полно, но и не точно⁵.

Можно указать еще на два обстоятельства, вследствие которых отражение содержания объективных социальных законов в законах науки страдает не только неполнотой, но и неточностью. Они имеют гносеологическую природу и характеризуют процесс (способ) познания. Суть их можно в краткой и общей форме сформулировать в следующих положениях.

Во-первых, научное познание в строгом смысле слова является не просто отражением действительности, а ее воспроизведением. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Бунге подчеркивал, что научное познание есть скорее всего процесс построения моделей реальности, чем процесс ее копирования, о чем свидетельствуют факты использования наукой множества абстрактных объектов, не имеющих реального прообраза, и центральная роль, которую играют в ней гипотезы⁶.

Если же речь идет о законах общественных наук, к сказанному следует, на наш взгляд, добавить, что неполнота и неточность отражения в законах науки содержания объективных социальных законов во многом обусловлена тем, что здесь сказывается

⁴ Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики. С. 49.

⁵ Голованов В.Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. С. 64.

⁶ Бунге М. Причинность. С. 286.

разнообразие социальных интересов, так называемый «социальный заказ» и мировоззренческие установки исследователей. Особенно заметен фактор интереса в познании политических и правовых закономерностей. В. А. Козлов справедливо отмечает, что знания, зафиксированные в нормах права с помощью законодательных определений, не просто результат обобщения опыта социальной деятельности, а продукт идеологического осмысления социальных отношений сквозь призму классовых интересов⁷.

Во-вторых, наши знания об объективных социальных законах неполны и неточны вследствие того, что для проникновения в их содержание приходится использовать гносеологические средства, сообразуясь, с одной стороны, с природой изучаемого объекта⁸, с другой — со сложившейся логикой понятийного аппарата науки. Иными словами, необходим перевод того или иного объективного социального закона с «языка» природы на язык, который выработан наукой и доступен человеческому пониманию. Однако известно, что даже при переводе с одного литературного языка на другой никогда не удается достичь полного смыслового и образного тождества, хотя у самых различных языков и наречий очень много схожих принципов и норм построения и функционирования. Когда же речь идет о том, чтобы выразить природу социального закона в терминах, символах и знаках человеческого языка, дело намного усложняется. Мысленный образ закона, облекшись в знаково-терминологический материал, представляет собой относительно верную копию объективного закона⁹. Несоответствие прообраза и его копии (законов науки) как бы запрограммировано заранее, поэтому неполнота и неточность воспроизведения в законах науки содержания объективного социального закона не только следствие искажений, происходящих вследствие человеческой ограниченности или незрелости науки, а и своего рода объективная закономерность познания.

В. Н. Голованов факт несоответствия законов науки объективным социальным законам называет своеобразным «люфтом»¹⁰. Представляется, что применительно к

⁷ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. С. 18

⁸ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 63.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 62.

процессу познания в законотворчестве и созданию юридических законов уместно говорить о двойном «люфте». Дело в том, что об объективных социальных законах законодатель знает только то, что содержится в законах науки. Переводя данные научного знания на язык юридического закона, он еще больше искажает в юридическом законе точность и полноту содержания объективного социального закона. И в результате оказывается, что по полноте и точности отражения в своем содержании объективных социальных законов юридический закон отстает от них еще дальше, чем законы науки (более подробно вопрос о взаимосвязи юридического закона и законов науки, а также теоретические и практические соображения по данной проблеме будут изложены ниже). Современный законодатель, вынужденный использовать в своей практике законы науки, приобретает в лице последней не только надежного помощника, но и профессионального «лжеца».

Здесь целесообразно сделать два замечания. Первое состоит в том, что известное предубеждение законодателя против законов и иных данных науки вполне оправдано. Важно только, чтобы оно не перерастало в недоверие к науке и пренебрежение ее данными. Понимание законодателем того, что искажение в науке подлинной картины объективных социальных процессов происходит в силу естественной, свойственной научному познанию вообще объективной закономерности, что оно неизбежно, а сила научного познания велика, но все же ограничена, ориентирует его на иные пути получения знания о регулируемых им общественных отношениях — собственный и зарубежный опыт законотворчества, другие способы познания мира.

Второе замечание касается смягчения неточности и неполноты отражения социальных процессов уже в юридических законах, т. е. устранения второго «люфта». К сожалению, законодатель очень часто использует лишь часть научных данных и пренебрегает полнотой научного видения тех или иных социальных проблем. Такой подход к использованию науки в законотворческом процессе искажает существо и содержание регулируемых общественных отношений. Использование законодателем всего объема научных данных несомненно предпочтительней использования их части. В этом плане очень важной и практически неразработанной проблемой общей теории права является вопрос о том, как происходит искажение общенаучных данных в процессе их перевода на законодательный язык и каковы пути и способы смягчения, а по возможности и устранения всякого рода неточностей и искажений.

Как уже отмечалось, объективные социальные законы имеют огромное множество неповторимых, специфических форм своего проявления. Законы же, которые формулируются наукой, представляют собой не что иное, как чистую

абстракцию. В обществе, равно как и в природе, нет законов вообще. Они органически слиты с явлениями¹¹. Закон науки всегда един, он отвлекается от различных модификаций объективного социального закона, от реальных конкретных связей и поэтому беднее, грубее, проще социального закона¹². «Изображение движения мыслью,—отмечал В. И. Ленин,—есть всегда огрубление, омертвение,— и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия»¹³.

Юридический закон занимает промежуточное положение между законами науки и объективными социальными законами. Подобно законам науки, юридический закон имеет абстрактный характер. Он отвлекается, абстрагируется даже от тех свойств объективного социального закона, которые представляют несомненный интерес для науки. В то же время абстрактность юридического закона имеет важное отличие от абстрактности закона науки. Даже у самого общего по своему содержанию юридического закона есть предел (граница) абстрактности. Он очерчивается хотя бы минимальными регулятивными возможностями закона, выход за рамки которых превращает юридический закон в декларацию, а его существование в качестве юридического закона становится бесполезным, а потому бессмысленным. Предела же абстрактности законам науки поставить практически нельзя.

Абстрактность юридического закона имеет однобокий, избирательный характер. Это означает, что юридический закон не может не учитывать и не отражать тех или иных конкретных форм проявления и действия объективных социальных законов. Юридический закон не может слиться, подобно социальному закону, с явлениями,

¹¹ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 62.

¹² Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики С 50

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 233.

«раствориться» в многообразии социальных связей. Он отвлекается от одних форм проявления социальных законов (и здесь он ближе к законам науки), но учитывает в полной мере те формы, которые представляют интерес для общества и законодателя (и в этом отношении юридический закон ближе к закону социальному).

Из положения о закономерности, объективной обусловленности неполноты и неточности отражения в законах науки объективных социальных законов вытекает несколько очень важных для теории и практики законотворчества выводов.

Прежде всего следует отметить, что, ориентируясь на законы науки, законодатель никогда не сможет до конца воплотить в практике законотворчества требование об адекватности юридических законов реальным общественным отношениям вообще и объективным социальным законам в частности. Не слабость науки, не ошибки и некомпетентность законодателя (в чем его очень часто упрекают и что, конечно же, имеет иногда место на самом деле) тому причиной, а особенности самого процесса познания социальной действительности и перевода объективной логики содержания социальных законов вначале на язык законов науки, а затем и на язык юридического закона, в ходе чего точность и полнота отражения все больше нарушаются.

Следовательно, проблема адекватного отражения в юридическом законе регулируемых общественных отношений не в том, чтобы постигнуть в полной мере их природу, выяснить содержание и т. д. Это задача не столько законодателя, сколько общества в целом и науки в частности. Суть проблемы, на наш взгляд, состоит в выяснении того, как и насколько искажается реальная картина социальной действительности в результате сначала ее научной интерпретации, а затем и юридического оформления. Такое понимание вопроса позволяет сориентировать законодателя на то, чтобы предусмотреть в законах и правовой системе механизмы и процедуры, позволяющие по возможности блокировать неизбежные в законотворчестве искажения подлинной природы регулируемых общественных отношений.

К числу механизмов, о которых здесь идет речь, можно отнести ряд известных в теории источников права — прецедент, правовой обычай, договор, ибо с их помощью правовая система получает дополнительные возможности более точного и полного выражения в ней подлинной природы общественных отношений. Закон как исключительно рациональная форма права не в состоянии охватить всего многообразия форм действия социального закона. Сухой, рациональный закон обречен на то, что он должен быть не только приживлен и адаптирован к живой ткани социальной действительности, но и вовремя скорректирован без нарушения основных принципов и

положений еще до того, как в него будут внесены законодателем соответствующие изменения. А это позволяют сделать как раз иные источники права и прежде всего правовой прецедент и договор нормативного содержания. Они, с одной стороны, сводят к минимуму отрицательные последствия неизбежного искажения в законе регулируемых общественных отношений, а с другой стороны, усиливают стабильность самого закона и позволяют сохранить регулятивное воздействие на социальные процессы.

Если в силу своей природы юридический закон не в состоянии адекватно выразить содержание регулируемых им общественных отношений, то и возлагать всю ответственность (как это принято сейчас) на законодателя было бы не только неправильно, но и несправедливо. Ее должны в равной мере разделить общество в целом, наука вообще и юридическая наука в частности. Законодатель может отвечать лишь за то, что пренебрегает научными данными либо неверно их интерпретирует и неквалифицированно переводит на язык юридического закона. Следовательно, авторитет и верховенство закона определяются не только деятельностью законодателя, его местом в системе органов власти и управления, не в меньшей мере они зависят от строения правовой системы государства, ее способности быстро и гибко отреагировать на неизбежные недостатки закона, смягчить их проявление, поддержать тем самым престиж закона в глазах населения. Они зависят также от общего состояния общественных и юридических наук, от уровня образованности общества, его правосознания, понимания того, что качество и престиж закона — понятия не только правовые, но и социально-психологические. Понимание объективной обусловленности многих недостатков юридических законов, терпимость к неудачам и промахам законодателя со стороны общества способствуют укреплению законности и правопорядка в стране, повышают авторитет закона.

Законы науки обладают тенденцией к некоторому консерватизму, к отставанию от проявления и действия имманентных законов¹⁴. Законы науки «сгущают» знания, они уплотняют их лишь в отношении устойчивости объективных социальных процессов и не охватывают тех разнообразных изменений, которыми богаты объективные социальные законы¹⁵. В своей совокупности законы науки — грубая, односторонняя схема социальных процессов. Именно потому, что законы науки представляют собой столь «жесткую» категорию, они и включают в себя некий «фиктивный момент»¹⁶.

Отмеченное свойство законов науки в их сопоставлении с объективными социальными законами позволяет под несколько иным углом зрения посмотреть и на

такое свойство юридического закона, как его стабильность. Когда говорят и пишут о том, что юридический закон должен быть стабильным, то допускают, на наш взгляд, очень существенную ошибку. Суть ее состоит в том, что юридическому закону почему-то заранее, как бы изначально приписывается данное качество и от законодателя требуется во что бы то ни стало издавать такие законы, которые бы отличались устойчивостью и стабильностью. Происходит это во многом потому, что юридической наукой было некорректно заимствовано положение о стабильности законов из философской литературы. При этом совершенно выпущено из виду то обстоятельство, что как в философии, так и в иных общественных науках речь идет прежде всего о законах науки, о том, как они себе представляют имманентные законы, а не об объективных социальных законах. Иными словами, не было принято во внимание различие между законами науки и объективными социальными законами.

В данном случае мы имеем дело с гносеологическими «чудесами», когда символическая и терминологическая форма отождествляется с самими объективными социальными законами. Отмечая данное обстоятельство, В. Н. Голованов указывает, что игнорирование гносеологической природы законов науки приводит к тому, что эти законы проецируются на объективную действительность, которой в результате

¹⁴ Сирин А. Д. // Вопросы марксистской философии и эстетики. С. 53.

¹⁵ Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. С. 78.

¹⁶ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 69.

приписывается то, что является лишь моментом познавательного процесса¹⁷.

Законы науки — лишь одно из необходимых среди множества других не менее важных средств создания юридических законов. Законодатель не может и не должен связывать себя в законотворческом процессе данными науки, равно как и пренебрегать ими, он должен четко представлять, что регулирует не законы науки, а реальные общественные отношения, движением которых управляют объективные социальные законы. В образной форме один из классиков правовой науки Р. Иеринг выразил эту мысль так: «Наука должна оставить кесарю кесарево, но и кесарь науке — научное»¹⁸.

Далеко не каждый и всякий юридический закон отражает закономерное, а значит — устойчивое в регулируемых общественных отношениях. Это может подтвердить либо опровергнуть только практическое осуществление юридического закона. Только практика способна показать, будет ли тот или иной юридический закон стабильным или же нет. Поэтому о юридическом законе как о стабильном акте можно говорить лишь в том смысле, что он должен отражать закономерную устойчивую связь явлений, понимая в то же время всю условность такого определения закона в юридической науке.

В начале XX в. известный русский ученый-юрист Н. М. Коркунов писал, что «юридические законы и закон в научном или философском смысле — понятия совершенно разнородные, на это указывал еще в начале 19 ст. Густав Гugo, основатель исторической школы права. К сожалению, у ближайших его сподвижников эта мысль не нашла себе должного развития и многие юристы до сих пор продолжают, увлекаясь сходством названий, смешивать законы юридические с законами в научном смысле»¹⁹. Н. М. Коркунов указал и на основные различия закона юридического и закона научного²⁰. В его понимании закон в научном смысле — общая формула, выражающая подмеченное однообразие явления, он выражает не то, что должно быть, а то, что есть в действительности, научный закон — лишь обобщенное выражение действительности.

¹⁷ Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. С. 83.

¹⁸ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С. 83.

¹⁹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С. 52—53.

²⁰ Там же. С. 48—52.

Юридический же закон в отличие от закона научного — правило должного, а не существа.

Научный закон, доказывал Н. М. Коркунов, объясняет нам не то, почему явления совершаются, а как они совершаются. «Закон не причина,— подчеркивал ученый,— он скорее результат, нежели причина»²¹. Юридические законы, по его мнению, соответствуют не законам в обыкновенном научном значении, а частным явлениям, закон которых путем обобщения требуется еще установить.

Данная проблема обсуждалась в юридической литературе в работах С. Ф. Кечекьяна²², Д. М. Шаргородского²³, Е. В. Бурлай²⁴, в философской — в трудах Ж. Туленова²⁵ и А. Д. Сирина²⁶.

Большинство законов в развитых правовых системах формулируется в результате изучения закономерностей, тенденций в подлежащих регулированию общественных отношениях, открытия необходимых, причинно-следственных связей. «Законодатель же, — подчеркивал К. Маркс, — должен смотреть на себя как на еествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками»²⁷. В другом месте он пишет: «Законодательная власть не создает закона, она лишь открывает и формулирует его»²⁸. Обычно эти мысли К. Маркса интерпретируют таким образом, что он требовал от законодателя постижения сущности регулируемых отношений. И это действительно так. Но коль скоро законодатель сравнивается с еествоиспытателем, вправе ли он ограничивать себя лишь протоколированием, «формулированием» законов общественного развития? Ведь формулирование результатов — лишь логическое следствие проведенного исследования, его необходимый результат.

²¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С. 48.

²² Кечекьян С. Ф. // Советское государство и право. 1955. № 2.

²³ Шаргородский Д. М.//Правоведение. 1972. № 5.

²⁴ Бурлай Е. В.//Проблемы правоведения. Вып. 47. Киев, 1986.

²⁵ Туленов Ж. Закон как философская категория. Алма-Ата, 1959.

²⁶ Сирин А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 162.

²⁸ Там же. С. 285.

А кто же тогда проводит само исследование и добывает результаты?

Специфика познания в законотворческом процессе обусловлена тем, что законодатель, как правило, имеет дело уже с накопленной обществом и наукой совокупностью знаний, сведений об интересующих его социальных процессах. Интересующие его закономерности развития общества чаще всего выявляются и непосредственно осознаются не самим, законодателем, а в результате развития науки, либо осваиваются в непосредственном практическом опыте людей или через уже действующие социальные нормы²⁹.

Соотношение научного и опытного знания, используемого законодателем, в различные эпохи менялось. Первым законодателям гораздо чаще приходилось использовать не научные, а опытные данные в силу слабой развитости науки. И делали это они весьма умело. Не располагая сколь-нибудь широкими и достаточно обоснованными научными данными о законах общественного бытия, древние законодатели довольно успешно справлялись с созданием действенных и эффективных юридических законов. «У нас,— отмечал П. И. Стучка,— конечно, во всех странах имеются примеры мертворожденных законов, но все-таки на первый взгляд может показаться странным, что их так мало, даже в те времена, когда о каких-либо законах развития никто ничего не подозревал и не знал. Это объясняется... из самого хода возникновения законов. Первые законодатели были весьма осторожны и объявляли законом лишь то, что уже вошло в обычай или было уже проведено»³⁰.

Современный законодатель, несмотря на то что он имеет возможность опираться не только на обычай, но и на данные науки, находится в более сложном положении, чем законодатели прошлого. Обычай, служивший ранее своеобразным материалом для законотворческой деятельности, устраивал в обществе всех или почти всех, интересы различных социальных сил находили в нем баланс, уравновешивались, он выражал, как сказали бы сейчас, общественный компромисс, или консенсус. Общественные науки, данными которых о закономерностях развития социальных процессов вынужден

²⁹ Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987. С. 13.

³⁰ Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, Рига, 1964. С. 107.

пользоваться законодатель в классовом обществе, менее, чем обычай, способны выработать общие подходы к интересующей законодателя проблеме, а зачастую и вообще не могут высказать сколь-нибудь обоснованную позицию по тому или иному вопросу. Обычай же в современном индустриальном обществе при динамизме социальных процессов потерял свое былое значение и не имеет широкого распространения. Возможности законодателя в проведении самостоятельных, независимых исследований крайне ограничены и он прибегает к ним в очень редких случаях по особо важным и сложным проблемам общественной жизни. Законодательный эксперимент требует больших материальных и финансовых затрат, длителен во времени, а во многих случаях он просто невозможен.

Таким образом, процесс познания в законотворческом процессе, поиск закономерностей, управляющих развитием интересующих законодателя общественных отношений, при некотором сходстве с формулированием законов науки имеют в то же время и свои особенности. Законодатель в деле создания юридических законов не может и не должен опираться только на законы науки. Не пассивное фиксирование данных науки и социального опыта людей, не слепое следование полученным наукой и обществом результатам познания, а их взвешенная оценка, сопоставление данных, во многих случаях интуиция и опыт самого законодателя в постижении сути интересующих его социальных процессов позволяют создать закон, выражющий и отражающий объективную социальную закономерность. Кроме того, законодатель должен учитывать и считаться, с одной стороны, с закономерностями регулируемых общественных отношений, с другой — действовать так, чтобы не нарушить закономерности построения и функционирования системы законодательства. Иными словами, деятельность законодателя должна опираться на оба вида относительно самостоятельных закономерностей, органически указывая и согласовывая их.

Законы науки, как отмечалось, представляют собой лишь копии, модели, отражения реальных общественных процессов, они объясняют, но сами по себе ничего не создают. Данное положение не нуждается в дополнительной аргументации. Точно так же можно считать аксиоматичным положение о том, что юридические законы

воздействуют на поведение участников общественных отношений и, следовательно, участвуют в их преобразовании. И в этом некоторые авторы видят существенные отличия юридических законов от законов науки. По мнению Е. В. Бурлай, ошибка в абстрактном теоретическом мышлении (исследовании) может остаться безобидной, ошибка же в законотворческом процессе способна повлечь нежелательные последствия³¹. М. Д. Шаргородский полагал, что юридические законы сами по себе не являются ни объективными социальными законами, ни законами науки³².

На наш взгляд, в широком, философско-правовом понимании если речь идет, с одной стороны, о процессах формулирования законов науки и юридических законов, с другой — о воздействии их, в свою очередь, на происходящие в обществе процессы между законами науки и юридическими законами, все же больше того, что их объединяет, нежели того, что делает их различными.

При всем различии и специфике познавательных процессов в науке и законотворческом процессе их объединяет то, что они обязательно предшествуют результатам познания. В одном случае — формулированию законов науки, в другом — законам юридическим. Юридический закон как акт-документ, подобно законам науки, представляет собой копию, модель тех общественных отношений, на регулирование которых он направлен. Различия между ними лишь в способе построения модели, словесном (терминологическом) и знаковом способах ее создания, но по сути своей и юридический и научный закон — это прежде всего модели, копии реальных социальных процессов, которые лишь воспроизводят, изображают, но не отражают всей подлинной природы социальных процессов³³. Ошибки в юридическом и научном законах в этом отношении нежелательны, но неизбежны. Стоит иметь в виду и то обстоятельство, что законы в науке формулируются не только для «внутринаучного» пользования. Конечная и основная их цель — служить преобразованиям в обществе. Ошибки и недобросовестность в научном познании могут приводить к не менее тяжким

³¹ Бурлай Е. В./Проблемы правоведения. Вып. 47. С. 15.

³² Шаргородский М. Д./Правоведение. 1972. № 5. С. 102—103.

³³ Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 83—85.

и нежелательным последствиям, чем ошибки в законотворчестве.

По основным своим параметрам юридические законы схожи с законами науки, они являются разновидностью последних. То, что их выделяет из среды иных законов науки и превращает в самостоятельный вид (группу) законов, может быть сведено к следующим моментам.

Во-первых, в отличие от формулирования иных законов науки процесс создания юридических законов подчинен заранее поставленной цели и протекает в определенных, заформализованных, заранее установленных процедурах. Законодатель знает, какой закон ему нужен и для чего. Он, правда, не в состоянии запрограммировать абсолютно точно его содержание. Но заранее поставленная цель определяет пути и формы получения необходимой информации и во многом предопределяет способы и средства, решения поставленной задачи. Заранее установленная процедура разработки и принятия закона жестко связывает законодателя в поиске ответов на стоящие перед ним вопросы.

Процесс формулирования законов науки не может быть подчинен каким-либо заранее сформулированным целевым установкам либо программам. Научная методология и методика проведения исследования, необходимая информация, материально-техническая база — условия функционирования науки и предпосылки формулирования системы законов, конечно же, оказывают воздействие на процесс научного творчества. Но в этом процессе нет и не может быть заранее поставленной цели и результаты научного творчества поэтому не запрограммированы так жестко, как это имеет место в законотворческом процессе.

Во-вторых, в отличие от формулирования законов науки процесс познания социальной действительности в законотворческом процессе происходит нормативно-оценочным способом. Элементы чисто научного и художественного способов познания могут присутствовать в этом процессе и оказывать серьезное влияние на его результаты, но в любом случае завершающие этапы законотворческого процесса и непосредственное формулирование самого юридического закона осуществляются единственно возможным в этом деле нормативно-оценочным путем.

В-третьих, процесс реализации юридического закона заранее обречен на то, что он прямо или косвенно замыкается на государстве. Юридический закон создается государством и прекращает свое существование по воле государства.

Законы же науки в процессе своей реализации не имеют жесткой связи с государством. Находя отражение в программах, мероприятиях, осуществляемых государством, они не утрачивают своей природы законов науки. Точно так же они

остаются законами науки и тогда, когда их использование в преобразовании социальных процессов происходит в иных, не имеющих связи с государством формах.

В-четвертых, важной особенностью собственно законов науки является то, что у них есть особая предсказательная (прогностическая) функция³⁴. Русский ученый-естественноиспытатель Н. А. Умов писал, что «венец научной работы есть предсказание. Оно раскрывает нам даль грядущих явлений и исторических событий»³⁵. Суть предсказательной функции законов науки состоит в том, что, отражая некоторую устойчивую, необходимую связь между явлениями и их свойствами, он допускает продолжение (экстраполяцию) на будущее. Опираясь на его справедливость в будущем, можно делать выводы относительно хода событий³⁶. У юридического закона такой функции нет. Вряд ли она присуща и всей системе законодательства.

В юридической литературе указывалось и на иные различия юридического закона и закона науки. Е. В. Бурлай считает, что в отличие от закона науки, формулировка которого отвечает на вопрос, какие последствия влекут за собой те или иные условия, основанный на законах науки юридический закон одновременно дает ответ и на вопрос, что и как нужно изменить (выработать или преодолеть) в поведении людей для достижения социально необходимого или предотвращения социально вредного результата³⁷. Однако, на наш взгляд, отмеченное автором различие между этими видами законов имеет несущественное, второстепенное значение. Ведь если закон науки указывает на определенные причины, которые ведут к не менее

³⁴ Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972. С. 13—27; Андреев И. Д. Наука как форма организации научного знания. М., 1979. С. 36, 43, 44.

³⁵ Умов Н. А. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1916. С. 251.

³⁶ Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973. С. 117—118.

³⁷ Бурлай Е. В. // Вопросы правоведения. Вып. 47. С. 13.

определенным следствиям, тем самым он дает ответ и на вопрос о том, что надо сделать, чтобы устраниТЬ или же, наоборот, вызвать (в зависимости от оценки общества и законодателя) то или иное следствие — устраниТЬ соответствующую причину или же создать для нее благоприятные условия реализации. Юридический закон отличается в этом плане от научного закона лишь тем, что, будучи связанным с государством и формулируясь в результате нормативно-оценочного способа познания социальной действительности, он отвечает на те же вопросы более жесткими, чем закон науки, запретами, дозволениями и обязываниями. Но это различия по форме, а не по существу затронутого вопроса.

Проблема соотношения законов науки и юридического закона многогранна. Представляет интерес вопрос о том, какие именно стороны общественных отношений находят свое отражение в законах науки и законе юридическом? В. А. Козлов полагает, что в отличие от научного познания в законотворчестве не ставится задача проникнуть в глубинные закономерности, в сущностные структуры социальной реальности, что специфика закона как регулятора общественных отношений ограничивает пределы отражения лишь внешней формой общественной жизни. Связь истины с задачами и целями правового воздействия, по его мнению, определяет эмпирический характер знаний, заключенных в правовых нормах³⁸.

Конечно, природа юридического закона такова, что он не может регулировать сущностные, глубинные связи, а действует лишь на внешние стороны человеческого поведения. И с этим нельзя не согласиться. Но возникает вполне закономерный вопрос: а какие именно внешние стороны общественных отношений регулирует закон? И главное — с какой целью он это делает и чего желает достичь? Поставив вопрос таким образом, неизбежно придет к выводу о том, что для достижения своих целей, создания эффективного, единственного закона законодатель должен регулировать лишь такие внешние стороны, которые позволяют направить поведение людей в русло закономерностей.

С. В. Поросенков подчеркивает, что когда говорится об отражении социальными

³⁸ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. С. 17—19.

нормами объективных законов, то производится абстрагирование, выделение только определенных связей в ряду других конкретных связей, присущих каждому виду деятельности³⁹. Но чтобы выбрать эти связи, законодатель должен иметь четкие представления об общих закономерностях, глубинных связях отношений, обеспечению которых как раз и подчинено создание того или иного юридического закона. Вовсе не обязательно, чтобы законодатель стремился постигнуть характер природы этих взаимосвязей. Знания о них могут быть почерпнуты из уже имеющихся научных разработок, накопленного обществом социального опыта, иных источников. Но знания о глубинных связях должны обязательно присутствовать при создании норм права, а закона — тем более.

Закономерности общественных отношений, как отмечалось, выражаются и в правовом обычай (обычное право) и в precedente (precedentное право), но лишь в законе это должно происходить не стихийно, а осознанно. Законодатель не может и не должен позволять себе ничем не оправданные эксперименты. Закон как форма права получил широкое распространение в эпоху рационализма. И основное его назначение в обществе и государстве, которые строились на рациональных началах (переворот, совершенный в Новое время в понимании закона представителями естественно-правовой доктрины), состояло и состоит в том, чтобы выразить и сформулировать в законе устойчивые, закономерные взаимосвязи.

Отсюда понятно, что изучение текста закона вне исторических обстоятельств, послуживших основой его принятия, вне суммы накопленного обществом и наукой знания о регулируемых отношениях, о тенденциях и закономерностях их развития только и может привести к выводу о том, что закон есть сумма эмпирических сведений об объекте правового регулирования, знания, описывающего объект, но не содержащего объяснения⁴⁰. В то время как эмпирические сведения об объекте правового регулирования, содержащиеся в законе, представляют собой лишь ту часть эмпирических знаний о правовой действительности, которая наиболее полно соответствует закономерностям, управляющим движением регулируемой законодателем сферы общественных отношений.

³⁹ Поросенков С. В. //Филос. науки. 1981. № 5. С. 138.

⁴⁰ Козлов В. А. Проблемы общей теории и методологии права, С. 19.

Именно потому, что в законе содержится тщательно «адсорбированная» часть эмпирических знаний, исторической науке и удается, знакомясь с источниками права государств древности, «реставрировать» с большой долей достоверности закономерности государственных и правовых систем давно минувших дней, судить о них не только на чисто эмпирическом уровне, а подниматься до обобщений высокого уровня.

В условиях динамизма и усложнения социальных связей эффективное законодательное регулирование можно обеспечить только тогда, когда процесс создания законов основывается на познаниях, выходящих за пределы чисто внешних, доступных живому созерцанию связей и отношений, проникающих в глубинные, сущностные свойства общественных отношений, раскрывающих объективные тенденции и закономерности развития общественных отношений⁴¹.

Другое дело, когда законодателю приходится регулировать такой круг общественных отношений, природа и закономерности которых еще не исследованы. Он попадает здесь в очень сложное положение, ибо не вправе, ссылаясь на отсутствие глубинных знаний и представлений об общественных отношениях, откладывать на этом основании их правовое регулирование. Н. И. Козюбра четко подметил данное обстоятельство и подчеркнул, что человечеству пришлось бы очень долго стоять на месте, если бы оно ждало, пока потребность общества в социальном (в том числе и правовом) регулировании может быть осознана и подтверждена на теоретическом уровне⁴²

Чаще всего в таком положении законодатель оказывается в переломные эпохи, в моменты проведения крупных реформ, охватывающих все сферы человеческого бытия. Неустойчивость в общественных отношениях, их динамизм, отсутствие в силу этого сложившихся научных представлений о тенденциях (закономерностях) регулируемых им общественных отношений вынуждают законодателя двигаться на ощупь, ставят перед необходимостью руководствоваться в законотворческой практике в основном эмпирическими знаниями. Излишне доказывать, что такое состояние общества отнюдь

⁴¹ Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев, 1979. С. 108.

⁴² Там же. С. 100, 112, 119, 120.

Не способствует законотворчеству и качеству законов, которые очень быстро девальвируются, многие устаревают, не успев выйти за стены парламента. Эпоха реформ не лучшее время для законодателя, она, как правило, не способствует укреплению его авторитета. Эмпирические знания, накопленный законодателем опыт, его интуиция, изучение аналогичных случаев регулирования в других странах могут позволить ему принять верное решение и урегулировать общественные отношения.

Закон по своей природе носит обобщающий характер, охватывает устойчивое в процессах. Между тем исключительный динамизм общественных отношений в периоды реформ не дает необходимого материала для такого рода обобщений⁴³. Одним из выходов из подобных ситуаций для законодателя может быть более широкое использование законов-рамок, суть которых состоит в том, что они определяют лишь самые общие, принципиальные, узловые моменты в регулируемых отношениях и не столь жестко воздействуют на их содержание. Законодатель тем самым дает возможность утвердиться и устояться какой-то тенденции в регулируемых им общественных отношениях, а уж затем более подробно формулирует содержание закона с учетом данной тенденции.

Представляет интерес в этой связи мнение В. А. Оболонского, высказанное им на заседании круглого стола журнала «Советское государство и право» по вопросам выборности руководящих работников предприятий, учреждений, организаций. Поскольку теории выборности у нас нет и поэтому остаются нерешенными многие конкретные вопросы (например, защита претендентов), В. А. Оболонский предложил в этой связи действовать на основе временных положений о порядке выборов, которые должны быть достаточно «просторными» и допускать различные варианты. Через 2—3 года, после теоретического осмысливания эмпирического материала и научных разработок, можно установить более определенное и постоянное законодательство⁴⁴. Издание временных положений можно было бы использовать при регулировании и других вопросов общественной и хозяйственной сфер жизни общества, таких,

⁴³ Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. С. 17.

⁴⁴ Советское государство и право. 1988. № 1. С. 63.

например, как деятельность политических партий и иных общественных организаций, общественных движений.

При проведении крупномасштабных реформ законодательства весьма важно, чтобы с самого начала был ясен замысел преобразований, цели, этапы и средства проведения реформы. Тогда деятельность законодателя может быть подчинена определенной логике, ее можно спланировать, можно выработать стратегию развития законодательства. Приняв узловые законы, тщательно их проработав, законодатель в состоянии с помощью науки и иных форм общественного сознания уловить основные стороны закономерностей общественного бытия и закрепить их в законе. Но если реформа законодательства проводится непоследовательно и нерешительно, с зигзагами и поворотами, которые трудно заранее предвидеть, когда ее ориентиры меняются в течение года, то вряд ли можно рассчитывать на качество законов. Возможно, что с чисто технической (технико-юридической) стороны они могут выглядеть и вполне прилично, но с чисто регулятивных позиций, с точки зрения устойчивости и качества воздействия на общественные отношения они просто не выдерживают критики.

ГЛАВА 4

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРАВА И ЛОГИКА ЗАКОНА

Рассматривая вопросы соотношения социальной закономерности и юридического закона, мы отмечали, что законодательство должно опираться на познанные наукой закономерности общественного развития, а законодатель призван учитывать их в законотворческом процессе. Вместе с тем следует иметь в виду, что социальные закономерности проявляются в форме противоречивых сторон и тенденций. Причем объективные противоречия, лежащие в основе социальных закономерностей, с одной стороны, выступают источником и движущей силой развития общественных процессов, а с другой стороны, составляют всеобщий момент механизма действия любую объективного закона, экономического или социального¹. Поэтому, стремясь к созданию цельной, логически непротиворечивой системы законодательства, необходимо не только представлять себе механизм «трансформации» противоречивой социальной действительности в логически стройный и внутренне непротиворечивый юридический закон, но и *считаться с* тем, что процесс реализации логически цельного закона происходит в обремененной противоречиями социальной среде. При этом возникает ряд вопросов теоретического и практического характера: каким образом, не нарушая формально-логические правила в построении юридического закона, цельность и согласованность его содержания, обеспечить максимально возможное отражение в нем противоречий общественных отношений и результативное воздействие закона на общественные отношения? *Иными* словами, как совместить закономерности бытия юридического закона как акта-документа, построенного по правилам и законам формальной логики, с объективными закономерностями, присущими регулируемым им общественным отношениям, жизнедеятельность которых имеет свою логику бытия,

¹ Жеребин В. С. Диалектика социальных противоречий при социализме и право. М., 1986. С. 7—10,

противоречивую и далеко не совпадающую с правилами и законами формальной логики.

В юридической науке достаточно давно было обращено внимание на проблему противоречий в праве и законодательстве. В самой общей форме П. И. Стучка сформулировал ее как противоречие «материального неравенства и права гражданского равенства»². Он полагал, что это основное противоречие права. Однако в силу ряда причин идеологического и политического характера исследование данной проблематики юридической наукой было свернуто. И лишь начиная с 60-х годов наблюдается активизация научной юридической мысли в изучении проблем противоречивости правовой системы³.

Своеобразным катализатором, подтолкнувшим ученых-обществоведов к углубленному изучению противоречий социальных процессов, стало обновление всех сторон общественных отношений, настоятельно потребовавшее от исследователей смелее вскрывать, анализировать противоречия, понимать их природу и на этой основе выстраивать систему политических, экономических, социальных, организационных и идеологических мер.

Применительно к отдельным общественным наукам, имеющим самостоятельный предмет познания и логико-методологический инструментарий, проблема противоречий социальной действительности имеет свой срез, свою специфику, свой круг актуальных вопросов.

В юридической литературе высказаны прямо противоположные взгляды по вопросу о том, противоречиво ли право. Суть первой точки зрения сводится к тому, что право воспроизводит противоречия регулируемых им общественных отношений и потому само является противоречивым (В. К. Бабаев, В. С. Жеребин, Л. С. Явич и др.). Наиболее обстоятельно смысл противоречивости права обосновал В. К. Бабаев⁴. Он

² Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 527.

³ Рудинский Ф. М./Вопросы теории советского права. Новосибирск, 1966; Дагель П. С./Правоведение. 1971. № 1; Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1973; Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972; Бабаев В. К. Советское право как логическая система. М., 1978; Кененов А. А./Методологические и теоретические проблемы государства и права развитого социализма. М., 1983.

⁴ Бабаев В. К. Советское право как логическая система. С. 48—58.

полагает, что право, определяясь общественными, и прежде всего экономическими, отношениями, следует за их движением, воспроизводит единство и борьбу противоположностей в общественном развитии, что источником развития права выступает главное его внутреннее противоречие, сущность которого состоит в противоречии между общественными отношениями и регулирующей их системой права. Два обстоятельства, по его мнению, обусловливают единство и в то же время противоречивость права: 1) единство и противоречивость системы экономических отношений в обществе; 2) степень соответствия правовых норм регулируемым ими общественным, и прежде всего экономическим, отношениям⁵. Кроме того, противоречивость права объясняется тем, что само познание правовой действительности, как и всякое отражение, противоречиво. В. К. Бабаев ссылается при обосновании своей позиции на письмо Ф. Энгельса к К. Шмидту от 27 октября 1890 г., где он писал, что в «современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением внутренне согласованным, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. А для того чтобы этого достичь, нарушают точность отражения экономических отношений все более и более»⁶.

Вторая точка зрения по обсуждаемому вопросу (А. Ф. Черданцев, Р. О. Халфина, А. А. Кененов, Н. А. Власенко и др.)⁷ сводится к тому, что противоречия, возникающие между правовыми нормами и общественными отношениями, не являются противоречиями самого права, ибо они лежат за его пределами⁸. Соответствие права регулируемым общественным отношениям, отражение реальных противоречий, присущих социальным процессам, не предопределяют, однако, противоречивость самого права. Все дело, по мнению Н. А. Власенко, состоит в особенности правового

⁵ Бабаев В. К. Советское право как логическая система. С. 48.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418.

⁷ Черданцев А. Ф./Правоведение. 1983. № 3. С. 20; Халфина Р. О. //Сов. государство и право. 1988. № 1; Кененов А. А./Методологические и теоретические проблемы государства и права развитого социализма; Власенко Н. А. // Логические и математические методы в правовой теории и практике. Л., 1989 и др.

⁸ Халфина Р. О./Сов. государство и право. 1988. № 1. С. 33.

регулирования, суть которого сводится к тому, что законодатель не воспроизводит противоречивости отдельных общественных отношений. Последние же переводятся на язык юридических норм посредством логических моделей⁹.

Правда, одни сторонники непротиворечивости права (А. А. Кененов, Р. О. Халфина) полагают, что внутренняя согласованность права достигается не за счет нарушения точности отражения экономических отношений, а, наоборот, благодаря точности выражения экономических связей¹⁰, в то время как другие считают, что «создаваемая законодателем модель вряд ли может полностью отражать действительность»¹¹. Что же касается приведенной выше мысли Ф. Энгельса из его письма к К. Шмидту, то Р. О. Халфина считает, что Ф. Энгельс исследовал положение, при котором право выражало интересы господствующего класса в обществе с антагонистическими интересами. А поскольку это непримиримое противоречие должно было включаться в правовую систему, провозглашающую иные принципы, то это и влекло неполноту, неточность отражения экономических отношений в правовых нормах.

На наш взгляд, правильный ответ по обсуждаемому вопросу лежит в плоскости различия права и закона, так как в рамках узконормативного понимания права, сведения права к закону аргументы сторонников как одной, так и другой точек зрения, хотя и выглядят убедительно, взаимоисключают друг друга. Складывается «патовая» ситуация. Признавать обусловленность права глубинными, по своей сути противоречивыми, экономическими отношениями, требовать адекватного отражения правом противоречивых общественных отношений, считать, что право не может быть выше экономического и культурного (противоречивого!) уровня развития общества, и не признавать его противоречивости — просто нелогично. Но в то же время совершенно неоспоримо и то, что противоречивая система права — неработающая, неэффективная система. Отсюда вывод: надо выйти на иной уровень обсуждения

⁹ Власенко Н. А./Логические и математические методы в правовой теории и практике. С. 46.

¹⁰Халфина Р. О./Сов. государство и право. 1988. № 1. С. 33; Кененов А. А./Методологические проблемы государства и права развитого социализма. С. 76.

¹¹ Власенко Н. А./Логические и математические методы в правовой теории и практике. С. 46.

вопроса, выбрать другие исходные посылки обсуждения проблемы.

Право и юридический закон относятся к двум взаимосвязанным, но качественно разнородным сферам человеческого бытия. Право — порождение сферы материального производства, товарно-денежных отношений, закон — продукт осознания правовой действительности и деятельности законодателя. И если движущая сила права, источник его саморазвития коренится в отношениях собственности (а противоречия отношений собственности и есть по сути дела противоречия права), то закон создается осознанными усилиями законодателей. Центральное поле проявляющихся при этом противоречий права расположено там, где происходит развитие действительного содержания всех социальных (в том числе и правовых) норм — в общественных отношениях, задающих новые требования, параметры, приоритеты в устройстве социальных связей людей, их общении, совместной деятельности, а общественное сознание в результате противоречивого процесса признает или не признает конкретные, типичные, повторяющиеся в общественной жизни структуры и ситуации в качестве правовых норм¹².

Право, будучи объективно присущей формой товарно-денежных отношений, объективируется, «извлекается» из реальных отношений путем их духовного, прежде всего интеллектуального, освоения. Причем познание права в условиях государственно организованного общества характеризуется тем, что оно подчинено заранее поставленной цели: регулированию правовых по своей природе отношений с помощью закона. Организованная мощь государства направляется на то, чтобы сгладить реальные противоречия правовой действительности, а по возможности и обуздать их.

Для права характерно стремление к установлению эквивалентного начала в функционировании товарно-денежных отношений. Эквивалентность и есть сердцевина права. Если допустить, что эквивалентность органически («сама собой») присуща товарно-денежным отношениям, то необходимость в таком социальном регуляторе, как право, отпала бы.

Но в реальной действительности эквивалентность в отношениях складывается именно как результат множества отклонений от нее, в ходе столкновения всего

¹² Пеньков Е.М. // Филос.науки. 1989. № 8. С. 26.

многообразия потребностей и интересов вступающих в общественные отношения индивидов, социальных групп, слоев, классов. Таким образом, эквивалентность (а значит, право) есть противоречивая тенденция развития и функционирования товарно-денежных отношений. Участники товарно-денежных отношений заинтересованы в том, чтобы придать эквивалентному началу всеобщий характер, в то время как повседневная практика товарно-денежных взаимосвязей постоянно ставит под вопрос их усилия.

В лице государства общество получило реальную силу, способную придать всеобщий характер основе права — эквиваленту. Очень скоро было найдено для этого и соответствующее средство — закон. Создаваемый по правилам формальной логики акт-документ казался древним и представляется очень многим современным законодателям вершиной права. Полагали ранее, да и считают до сих пор, будто бы с помощью закона можно устраниТЬ противоречия правовых по своей природе общественных отношений и построить их на принципе всеобщего эквивалента, понимаемого, конечно, по-разному в различные эпохи. Происходит своеобразная аберрация юридического мышления. Возможность создать, руководствуясь законами и правилами формальной логики, непротиворечивый, логически цельный закон стала питательной почвой стойкой иллюзии построения непротиворечивой системы права. Парадокс же состоит в том, что непротиворечивой системы права не существует, в то время как непротиворечивая система законодательства вполне может быть создана.

Закон не может быть полностью адекватен правовой природе общественных отношений. И дело здесь вовсе не в гносеологических трудностях, не в том, будто бы нельзя во всех тонкостях постичь правовую действительность. Правовые формы и принципы как раз имеют всеобщий характер, они едины для всякого общества, знающего, что такое собственность, рынок, товарно-денежные отношения. Подлинная дилемма здесь такова: или логически цельный и непротиворечивый закон, игнорирующий реальные противоречия права, или закон, адекватный правовой природе, а следовательно, противоречивый и непригодный для применения. Сама природа юридического закона, логика его построения и бытия заставляет творца-законодателя сознательно или неосознанно игнорировать реальные противоречия права.

Таким образом, с одной стороны, существует объективно противоречивая система права, с другой стороны — ее отражение в форме законченного, непротиворечивого юридического закона. Это обстоятельство ведет к разрыву между правовой реальностью и ее отражением в законе. И чем совершеннее система законодательства в формально-логическом отношении, тем дальше она от противоречивой системы права¹³, тем быстрее ее моральное старение и необходимость замены новой. С этой точки

зрения чем ближе общество к идеалам создания стройной и непротиворечивой системы законодательства, тем дальше оно от подлинной правовой природы общественных отношений, чем грубее искажение правовой природы вещей в законе, тем дальше общество от идеалов правового государства.

В правовых системах, где писанный источник права не является единственным, а тем более исключительным, где наряду с законом официальными источниками права признается правовой обычай и в особенности правовой прецедент, огрублению и «округлению» правовой природы общественных отношений в законе противостоит более или менее широкое поле правовых отношений, противоречивое бытие которых не сглаживается или, по крайней мере, не подвергается однолинейной логической обработке, как это происходит при отражении их в законе. Оторвавшиеся от подлинной противоречивой природы общественных отношений закон органически дополняется иными источниками права, которые по возможности амортизируют издержки в функционировании правовой системы, возникающие в ней в результате выравнивания в законе противоречивых тенденций в развитии права. Это способствует значительному увеличению «продолжительности жизни» подкорректированного таким образом закона.

В правовых же системах с преимущественно писанными источниками права (законом), к которым относится наша правовая система, доведенная до логического совершенства система законодательства не успевает за противоречивым ходом правового развития и очень быстро морально и физически устаревает. В правовых системах с высокой

¹³ Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. М., 1987. С. 76.

степенью согласованности и непротиворечивости законодательства у законодателя, как правило, больше хлопот по поддержанию законодательства в состоянии высокой функциональной готовности, интенсивность его деятельности не уменьшается, а увеличивается в чисто физическом отношении. В «отточенной» системе законодательства «поле», количество системоприобретенных связей как у отдельных нормативных предписаний, так и законов в целом оказывается значительно шире и больше, ведь в ней подогнаны в единое целое практически все компоненты. И, таким образом, изменение хотя бы в одном из них с неизбежностью вызывает цепную реакцию по всем линиям как чисто юридического, нормативного, так к идейно-теоретического характера. Чем более высокое место в иерархии нормативно-правовых актов занимает подвергшееся изменению то или иное нормативное предписание, чем более общее оно по своему идейно-теоретическому уровню, тем длиннее цепь нормативно-правовых актов, в которые должны быть внесены изменения.

Если на нижних этажах пирамиды нормативно-правовых актов процесс: изменений отдельного нормативного предписания чаще всего на нем и заканчивается, то изменение конституционной нормы, даже ее отдельных частей, формулировок, как правило, требует внесения изменений в несколько десятков нормативно-правовых актов и очень часто вызывает потребность в разработке новых законов. Отнюдь не случайно большинство писанных конституций современных государств являются жесткими, т. е. требуют для своего изменения особых процедур, квалифицированного большинства голосов членов высшего органа законодательной власти и т. д. В подобных механизмах выражается осознанное или не всегда до конца осознаваемое обществом и законодателем понимание всей сложности организации логического механизма системы законодательства. Подобно тому как жизненно важные центры человека находятся под особой анатомической и физиологической защитой организма, подобно тому как наиболее важные узлы механизма (или ЭВМ), средоточие всех основных взаимосвязей всячески предохраняются от возможного внешнего воздействия и повреждения, для защиты конституции государства, этого узла сосредоточения всех существенных логико-юридических связей, создаются особые юридические и организационные системы защиты.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что полнота и точность отражения права в юридическом законе обратно пропорциональны логической стройности и непротиворечивости закона. В этом плане распространенное сейчас требование создания правового законодательства в буквальном смысле слова означает не что иное, как требование противоречивой системы законодательства. Отмеченные различия между

правом и законом наиболее ярко проявляются при сопоставлении правовых понятий, в которых воспроизводится развитие и функционирование права, с языком, понятийно-терминологическим аппаратом закона.

В философской и юридической литературе убедительно показано, что противоречия реальных правовых отношений отражаются в правовых понятиях, что само противоречивое движение не может не отражаться в диалектически связанных противоположных понятиях¹⁴. «Научные юридические понятия,— подчеркивает Д. А. Керимов,— могут и должны «схватить», «вобрать», «включить» в себя реальные противоречия объективного движения и изменения отражаемой правовой действительности. Только тогда они будут диалектическими, смогут выразить сущность, закономерности развития этой действительности»¹⁵. Правовые понятия не являются постоянными, они изменчивы, обладают гибкостью и подвижностью, обусловленными единством противоположностей. Логика правовых понятий соответствует логике социальных отношений¹⁶.

Что же касается языка закона, то он выделяется в особый вид (стиль) литературного языка¹⁷, имеющего высокий элемент «искусственности», потому что язык закона в определенной степени формализован, по сравнению с правовыми, научными и обыденными понятиями законодатель многим терминам придает более

¹⁴ Библер В. С.///Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С. 112; Бабаев В. К. Советское право как логическая система. С. 119.

¹⁵ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 71.

¹⁶ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 88.

¹⁷ Законодательная техника. Л., 1965; Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967; Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972; Научные основы советского правотворчества. М., 1981 и др.

широкое или, наоборот, более узкое значение¹⁸. Для текста нормативного акта характерно широкое использование штампов и стереотипных трафаретов, а сам он является официально-документальным текстом¹⁹. Понятия, используемые законодателем, отмечал в свое время русский ученый Е. В. Васьковский, отличаются двумя важными особенностями — определенностью и постоянством²⁰.

Язык закона, его понятийно-терминологический аппарат таковы, что с их помощью невозможно не то чтобы выразить, но даже точно сформулировать диалектическое противоречие права.

Характерная черта системы понятий и терминов законодательства — ее внутренняя замкнутость, т. е. способность охватить только определенный фрагмент правовой действительности и правовых понятий. С чисто логической точки зрения замкнутость этой системы терминов и понятий проявляется в неизменности и устойчивости признаков данных понятий и терминов, в отсутствии между ними внутренних противоречий, в невозможности сколь-нибудь существенно измерить хотя бы одно из входящих в нее понятий без того, чтобы не нарушить весь понятийно-терминологический строй закона. Все понятия, составляющие закон, логически взаимосвязаны и образуют одно логическое целое, которое и определяет точный смысл каждого отдельного понятия, так как смысловое значение каждого понятия находится в определенной связи со значениями других понятий, влияющих друг на друга²¹. Такая природа языка закона приводит к тому, что интеллектуальный и понятийный аппарат законодательства в состоянии охватить лишь определенный срез права, язык закона не принимает в расчет и как бы «отбрасывает» от себя все те знания о праве и те факты правовой действительности, которые не вписываются в определенную, логически заданную и непротиворечивую систему понятий, юридических конструкций и схем. Закон — цивилизованный источник права. Он устроен таким образом, что с его помощью законодатель не просто «шлифует» правовую природу отношений, а

¹⁸ Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. С. 85.

¹⁹ Научные основы советского правотворчества. С. 293—295.

²⁰ Васьковский Е. В. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 322.

²¹ Лукич Р. Методология права. М. 1981. С. 138, 144.

проводит своеобразную хирургическую операцию с заранее заданной установкой на «ампутацию» тех частей права и отражающих их правовых понятий, которые не вписываются в логический строй языка законодателя. В культурологическом отношении возникшая в Новое время идея верховенства закона означала не что иное, как преклонение перед логосом, чистым разумом, превознесение его способности познать и выразить природу всего и вся. Рационалистический по духу и методу юридический закон отражает ограниченное число типичных правовых ситуаций. За его пределами неизбежно оказывается огромное число далеко не второстепенных для правовой системы общества явлений.

То, как однолинейно препарируется действительность с помощью любого языка вообще, убедительно показал Э. Сепир. «Язык,— пишет он,— служит руководством к восприятию социальной действительности... мы бессознательно переносим установленные языком нормы в область опыта. В этом отношении язык напоминает математическую систему, которая также в самом точном значении слова фиксирует опыт только в самых исходных своих положениях, но со временем превращается в независимую систему понятий, заранее учитывающую любой возможный опыт в соответствии с определенными принятыми формальными правилами... (Значения) не столько открываются в опыте, сколько накладываются на него в силу той титанической власти, которой обладает языковая форма над нашей ориентацией в мире... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения»²².

Подобно тому как грамматика является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений, их синтеза ²³, язык закона расчленяет правовую природу общественных отношений в направлении, подсказанным способом его организации, теми особенностями, которые превращают язык законодателя в особый вид литературного языка. Он фиксирует и отражает только то, что воспринимается его системой. Законодатель не ограничивается

²² Новое в лингвистике. М., 1960. С. 117, 135.

²³ Уорф Л. Бенджамен//Новое в лингвистике. М., 1960. С. 174.

механической систематизацией жизненного материала, а строит свои произведения путем сознательного отбора определенных сторон обобщаемого жизненного материала²⁴. Законодательные понятия и определения отражают действительность, выделяя из множества элементов лишь те, которые важны для закона, увязывая их в более или менее жесткое концептуальное единство²⁵.

С самого начала законодательного процесса законодатель мыслит по правилам и законам формальной логики, отличительная особенность которой, как известно, состоит в том, что она запрещает противоречия в процессе мышления, связанные с нарушением формально-логических законов. Законодатель не может мыслить противоречиво, и потому вся система закона должна быть истолкована как система логически согласуемых друг с другом понятий²⁶. Формальная логика не может связывать себя утверждениями о природе вещей. Чтобы быть универсальной (действительной для любых утверждений), она основывается на свойствах логической структуры мысли и оставляет для себя открытыми вопросы о том, могут ли вещи обладать одновременно противоположными свойствами²⁷. Отсюда понятно, что диалектические противоречия, которыми обременено развитие правовых по своей природе отношений и отражающих их правовых понятий и категорий, во-первых, не могут быть разрешены с помощью логически непротиворечивого закона, а во-вторых, они не могут быть выражены на языке законодателя.

Формально-логический характер закона приводит к тому, что в нем содержится лишь определенная модель права, которая всегда беднее самого права и теоретических представлений о нем, ибо невозможно полностью формализовать ни одну содержательную теорию. За пределами закона (модели) всегда остается определенная неформализованная и просто не поддающаяся формализации теоретическая часть,

²⁴ Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве. Уч. зап. № 147 (юрид. науки). Пермь, 1966. С. 118.

²⁵ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. С. 19.

²⁶ Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного закона. П., 1917. С. 128—129.

²⁷ Ведин Ю. П./Проблемы диалектики. Вып. 3. Л., 1973. С. 172.

остаток правовых знаний, понятий, представлений²⁸. «В задачу формальной логики,— пишет М. Бунге,— не входит поднимать вуаль, скрывающую лицо мира, ее назначение — заострять рациональные инструменты, с помощью которых такая задача выполняется науками... проблема причинности (противоречивости.— *H. C.*) не может быть разрешена в сфере чистой логики, потому что она относится к нелогическому (или нелингвистическому) миру»²⁹.

Нельзя согласиться с мнением о том, что в сущности законодательства коренятся диалектические противоречия, воспринятые в процессе перевода противоречивых общественных отношений в юридическую форму³⁰. Суть диалектического противоречия состоит в отношении предмета к самому себе (отношение самоотрицания), отношении не противоположных «сторон», а противоположных процессов, тенденций в едином предмете, находящихся в постоянно изменяющейся борьбе, но существующих в предмете, процессе одновременно, которые адекватно отражаются в теоретических положениях, построенных не по принципу «или —или», а по принципу «как то, так и другое»³¹. Теоретически невозможно, а практически неосуществимо законодательство, где одновременно что-то запрещается и оно же разрешается (по принципу «как то, так и другое»), ибо закон должен быть согласен с самим собой и со всею системой действующих законов. Еще Н. К. Ренненкампф подчеркивал, что все законы, все их части «...должны быть проникнуты одним духом, приведены в самую близкую взаимную связь,— иначе потерянется единство юридической жизни, обеспеченность прав и возможность однообразного и равного приложения законов»³².

Каким же образом происходит перевод диалектически противоречивой природы общественных отношений в формально непротиворечивый юридический закон? Происходит это превращение путем осознания социальных противоречий с помощью

²⁸ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории *права*. С. 19.

²⁹ Бунге М. Причинность. М., 1962. С. 275, 279.

³⁰ Заяц А. П. Система советского законодательства: Проблемы согласованности. Киев, 1987. С. 30.

³¹ Вяккерев Ф. Ф.//Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 68; Вяккерев .Ф. Ф.//Филос. науки. 1985. № 2. С. 52—53.

³² Ренненкампф И. К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1907. С. 72.

определенной совокупности (системы) концептуально связанной, логически не-противоречивой системы идей и принципов, освещающих социальные процессы под определенным углом зрения. Идейное освещение регулируемых общественных отношений характеризуется тем, что многообразие жизненных обстоятельств, реальных противоречий рассматривается только сквозь призму определенных, заранее заданных теоретических постулатов, охватывающих реальность некоторыми общими для них логическими схемами. При этом между логическими схемами устанавливается строгая субординация и в соответствии с ней наибольшей логической силой обладают те схемы, которые служат в качестве исходных посылок для дальнейших выводов. С их помощью теоретические постулаты располагают все сведения и знания о правовой действительности по определенной системе.

В идейно-теоретическом освещении реальные противоречия и жизненные факты субординируются между собою не в силу их реальной природы и фактического положения дел в правовой действительности, а в той последовательности и в том видении, как они субординированы и взаимосвязаны в созданной логической схеме, концепции.

Законодательство переводит волевые социально-психологические категории в литературно-языковые, вследствие чего содержание нормативного акта существует в виде темы, идеи, проблемы, а не только выраженной в нем воли законодателя³³. Текст же нормативно-правового акта построен по правилам и законам формальной логики, исключающей какие бы то ни было противоречия между суждениями, выраженными в нормативных предписаниях. Причем различные словосочетания, предложения, высказывания, слова представляют собой иерархию логических зависимостей по принципу нанизывания, когда каждая последующая часть текста вытекает по правилам формальной логики из предыдущей и одновременно предопределяет содержание последующей. Строгая субординация, взаимосвязь и логическая зависимость частей текста закона и нормативных предписаний основаны на зависимости содержания конкретных юридических конструкций и норм от более общей идеи, принципа,

³³ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 63.

заложенных в основание закона³⁴. В. К. Бабаев рассматривает право с точки зрения логической завершенности в виде следующей цепочки структурных элементов: принципы, закрепленные в наиболее общих правовых нормативных предписаниях,— правовые нормы — нормативные правоположения, не являющиеся юридическими нормами.

Логическая цельность и непротиворечивость закона напрямую зависят от того, насколько последовательно проведены, раскрыты в тексте закона соответствующий принцип, та или иная идея. Анализ практики законотворчества показывает, что в тексте закона далеко не всегда удается раскрыть идею, теоретический принцип, не исказив ее существа, не нарушив тем самым логику закона. Характерен в этом плане проект Конституции Республики Беларусь.

В ст. 3 проекта Конституции РБ закрепляется идея (принцип), согласно которой «носителем суверенитета и единственным источником (курсив наш.—Н. С.) государственной власти... является белорусский народ»³⁵. Данная идея, предполагает, что только белорусскому народу принадлежит вся полнота государственной власти, что народ и только народ является ее источником, причем единственным (в тексте проекта неудачно использован термин «единственный»), а высшие и местные органы власти призваны ее осуществлять, они, следовательно, не вправе ее присваивать. Государственная власть исходит от народа, органы же государства осуществляют ее, от имени и по поручению народа. Идея, собственно говоря, не отличается новизной, в той или иной форме она фиксируется в большинстве конституций развитых западных государств — США, Франции, Италии и др.³⁶

В нарушение же исходного принципа проекта Конституции РБ ее ст. 129 закрепляет правило, согласно которому судебная власть в Республике Беларусь принадлежит только судам. По смыслу ст. 129 получается, что судебная власть исходит не от белорусского народа, а от суда, и суд является ее источником. Таким образом, или белорусский народ не является единственным источником власти и таковым наряду с ним выступает еще и суд, или все же белорусский народ — единственный источник власти, а

³⁴ Бабаев В. К. Советское право как логическая система. С. 222.

³⁵ Народная газета. 1992. 22 жніўня.

³⁶ Конституции буржуазных государств. М., 1982. С. 19, 88, 124.

суд призван реализовать на практике одну из ветвей принадлежащей народу власти, а именно: судебную власть. Логическая связь и зависимость между ст. 3 и ст. 129 проекта Конституции РБ может быть восстановлена указанием в ст. 129 на то, что судебная власть исходит от народа и осуществляется судами, как это сделано, например, в ст. 117 Конституции Испании³⁷. Более точной формула ст. 129 выглядела бы в таком виде: «Судебная власть в Республике Беларусь исходит от народа и осуществляется судами». Термин «осуществляется» подчеркивал бы, что судебная власть не просто не принадлежит судам, но что они лишь признанные Конституцией институты реализации судебной власти, принадлежащей по смыслу и в соответствии со ст. 3 проекта народу, наравне с иными ветвями власти: законодательной и исполнительной.

Логическая целостность и непротиворечивость закона быстрее всего достигаются тогда, когда он построен на минимальном числе исходных научных идей и принципов. Свообразие закона определяется характером включенных в него идей и принципов. Нормативные предписания тем теснее связаны между собою, чем ближе по своему содержанию исходные идеи, на которые они нанизываются и которые конкретизируются и уточняются с их помощью. Сознательно сформулированный в законе принцип позволяет раскрыть его наименьшим числом нормативных предписаний, значительно сократить физический объем текста закона и уменьшить таким образом объем всего нормативно-правового массива. «Отдельные правогуложения,— отмечал Р. Иеринг,— в которых законодатель бессознательно проводит какой-нибудь принцип, относятся к последнему, как отдельные точки окружности к центру. Принцип — та точка, которую ищет законодатель, но пока ему еще не удалось овладеть ею, он вынужден лишь кружиться около нее, описывать ее с помощью отдельных казуистических постановлений»³⁸.

Одно из существенных качеств закона, позволяющих говорить о его реальном верховенстве, как раз в том и состоит, что именно в форме закона закрепляются идеино-теоретические основы системы законодательства, правовой системы в целом.

³⁷ Конституции буржуазных государств. М., 1982. С. 306.

³⁸ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С. 59.

Только тогда принципы и идеи, заложенные в законе, смогут предопределять внутреннюю логику всей системы законодательства, служить направляющим звеном в совершенствовании правовой системы³⁹. Укреплению верховенства закона в этом аспекте и призвано служить, в частности, правило, закрепленное в конституциях и правовых системах почти всех развитых государств, согласно которому за парламентом (представительными органами власти) закрепляются исключительные полномочия по решению основополагающих для жизни общества вопросов. Сравнительный анализ конституции Испании, Италии, Франции, Японии при всем своеобразии правовых систем этих государств показывает, что в перечне вопросов, регулирование которых отнесено исключительно к ведению парламента, самые фундаментальные:

основные права и основные гарантии права; гражданство, состояние правоспособности лиц, семейные отношения, порядок наследования и дарения;

распределение ставок налогов, порядок выпуска денег;

режим собственности, вещных прав, гражданских и торговых обязательств, вопросы трудового права, профсоюзного права и социального обеспечения;

определение доходов и расходов государства, определение целей экономической и социальной политики;

вопросы организации национальной обороны и т. д.

Располагая исключительными полномочиями в решении фундаментальных основополагающих для правовой системы государства вопросов, парламенты формулируют в издаваемых ими законах отправные идеино-теоретические положения всей правовой системы, а законы, издаваемые ими, несмотря на активное нормотворчество исполнительной власти, занимают верховенствующее положение в системе законодательства.

В советской юридической науке идеино-теоретическое первенство законов в системе нормативно-правовых актов подчеркивалось указанием на то, что закон формулирует, как правило, первичные нормы права⁴⁰.

³⁹ Тихомиров Ю. А. // Сов. государство и право. 1978. № 2. С. 75; Батурина Ю. М., Лившиц Р. З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. М., 1989. С. 173. ⁴⁰ Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 60—74.

Но идеино-теоретические основы законодательства и первичные нормы права не взаимозаменяемые понятия. Первичные нормы права, как показали исследования, издаются не только законодателем, а практически всеми государственными органами, наделенными в той или иной мере нормотворческими полномочиями⁴¹. Другое дело — понятие идеино-теоретических основ законодательства. Практика законотворчества убедительно доказывает, что невозможно создать жизнеспособную, логически и иерархически стройную систему законодательства, если идеиные и теоретические основы ее формулируются не в конституции и законах государства, а на более низких уровнях системы законодательства, например в ведомственных нормативно-правовых актах. «Война законов», с которой столкнулось общество, есть не иное, как проявление нарушений идеино-теоретических начал функционирования системы законодательства, когда одну идею, принцип верховенства союзного закона стали подменять другим принципом — верховенства республиканских законов. Оказалось, что все иные принципы и идеи при замене только одного принципа не в состоянии обеспечить целостность и единство всей системы законодательства. Из заложенных в законе идей (принципов) нельзя изъять хотя бы одну или ввести как равнозначную ей новую, не нарушив всего логического строя, содержания закона. Новые правоположения могут быть введены в текст закона с учетом субординации сформулированных в нем идей, их взаимосвязей. Системность и непротиворечивость закона основывается на системном единстве сформулированных в нем идей и принципов. Введение в текст закона хотя бы одной новой основополагающей идеи меняет логические зависимости в содержании закона, что требует изменения всего текста, его новой редакции.

Наглядным примером того, как введение новой идеи, дополнительного раздела в тексте закона ведет к изменению и пересмотру правовых положений в иных его разделах и статьях, служат изменения в Конституции СССР, которые были внесены в нее после учреждения поста Президента СССР. При этом Конституция СССР не просто дополнилась новым разделом. Потребовалось внести изменения в правовое

⁴¹ Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М, 1987. С. 84—93.

положение Съезда народных депутатов, Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и т. д. Логическая цепь изменений охватила много других важнейших нормативно-правовых актов, привела в конце концов к упразднению одного из высших органов государственной власти СССР — Совета Министров СССР.

Системность принципов и основных идей, сформулированных в законе, логическая их субординация, выведение частных положений закона из более общих норм — проявление в законе его собственных закономерностей бытия, «собственного движения»⁴², внутренней логики развития, не совпадающей с логикой развития и функционирования регулируемых им общественных отношений.

Закон основывается не только и не столько на тех реальных общественных отношениях, которые он призван регулировать, но и на реальностях тех общих идей и принципов, в которых уже в обобщенной форме отражена реальность социального бытия, а конкретные нормативные предписания логически должны вытекать из других понятий, основных норм, принципов, закрепленных в законе и в целом в системе законодательства⁴³. Между законодателем и реальными социальными процессами лежит другая реальность в виде принципов и идей, пронизывающих всю систему законодательства. Именно эти общие идеи и принципы и формулируют допустимые и возможные рамки поведения законодателя. Они незримо присутствуют с самого начала законотворческого процесса. Поэтому социальная реальность воспринимается законодателем не как сумма конкретных жизненных обстоятельств, а как реальности, находящиеся в правовой сфере и подпадающие потому под некоторое общее юридическое (законодательное) определение, конструкцию, схему.

Любопытен в этой связи диалог, состоявшийся на 3-м Съезде народных депутатов СССР при обсуждении вопроса об изменении редакции ст. 6 Конституции СССР, между народными депутатами СССР К. Д. Лубенченко и В. Н. Кудрявцевым:

«Вопрос (Лубенченко К. Д.) Соответствует ли юридической логике начало

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418.

⁴³ Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев, 1979. С. 74.

ст. 6 Конституции, в которой приводится название лишь одной партии? Не означает ли это опять выражение особой роли партии в обществе? Ведь если следовать этой логике, то тогда в ст. 124, где говорится о праве народных депутатов на запрос, мы запишем, например, «Егор Кузьмич Лигачев и другие народные депутаты имеют право обращаться с запросом».

Ответ (Кудрявцев В. Н.): Егор Кузьмич не единственный народный депутат. Их — более двух тысяч. А Коммунистическая партия Советского Союза единственная. Поэтому здесь отражена реальность»⁴⁴.

Прав в этом диалоге, безусловно, К. Д. Лубенченко, так как реальность, на которую ссылался В. Н. Кудрявцев, относится к фактической, а не логической стороне закона. Закон состоит не из жизненных фактов, а складывается из логических суждений, конструкций и определений. В чистом, так сказать, не обобщенном логическими заключениями виде ни один факт сам по себе не может быть выражен на языке закона. Он мыслится на языке логики, а следовательно, и закона только тогда, когда подпадает под некоторое логическое обобщение. «Предложение,— пишет Людвиг Витгенштейн,— показывает логическую форму действительности»⁴⁵.

Из сказанного видно, что конкретный закон в логическом отношении начинается не с набора (системы) идей, составляющих его каркас, определяющих нормативное содержание. Начало закона следует искать в тех общих идеях, принципах, логических обобщениях, которые лежат в основе всей правовой системы в целом и системы законодательства в частности. Начало закона — еще не его концепция, но это его необходимые предпосылки. Без привязки закона к исходным, основным началам системы законодательства невозможно построить логически последовательный, органически вписывающийся в правовую систему закон. Развивая по правилам формальной логики отправные идеи и принципы системы законодательства, выводя из более общих логических обобщений частные со строгим соблюдением их субординации и ранжирования, закон тем самым осуществляет их конкретизацию.

⁴⁴ Известия. 1990. 15 марта.

⁴⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 51.

Конкретизация норм права, таким образом, может рассматриваться как процесс преобразования, перевода абстрактного содержания идеи, юридического принципа, общей нормы на более конкретный уровень путем перевода понятий с высокого уровня общности и абстрактности на более низкий уровень, результатом чего выступает менее конкретная идея, принцип, норма права⁴⁶.

Отдельный закон в то же время не может менять или подменять наиболее общие идеи, принципы системы законодательства на прямо противоположные, ибо это привело бы сразу же к неразрешимым противоречиям в нормативном содержании системы законодательства. Вот почему так важно, чтобы фундаментальные идеи и принципы, «высшая идеология» законодательства была • четко сформулирована в Основном законе государства, который обладает наибольшим авторитетом и особой юридической силой.

При всех несомненных достоинствах практика законотворчества в последние годы обнажила целый ряд недостатков в логико-теоретическом отношении. Среди них — скороспелость и недостаточная научная обоснованность многих законодательных решений, непродуманность общей стратегии развития и совершенствования законодательства, отказ от проверенных многовековым опытом и убедительно доказанных теоретических положений. Но если на уровне текущего законодательства многие недостатки вновь принятых законов заметны порой лишь узкому кругу специалистов, то при рассмотрении общего хода реформы законодательства, в особенности фундаментальных, узловых законов, они проявляются намного рельефнее. Теоретико-методологический анализ разработанных в некоторых республиках проектов Основных законов (Конституций) показывает, что их составителям часто не хватает звездочности и тщательной проработки многих важных положений.

С легкой руки журналистов и публицистов⁴⁷ на страницах юридических

⁴⁶ Шмелева Г. Г. Конкретизация социалистического права как фактор совершенствования правового регулирования: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Харьков, 1982. С. 5—8.

⁴⁷ Феофанов Ю. // Известия. 1990. 7 марта; Никитинский Л.// Комсомольская правда. 1990. 4 нояб.; Пугачев Б./Известия. 1990. 5 дек. и др.

изданий⁴⁸, в заявлениях и интервью народных депутатов⁴⁹ получил хождение тезис о том, что Основной закон государства (республики) должен быть свободен от идеологических установок. Руководимый академиком Т. И. Заславской Центр изучения общественного мнения ввел в проводимое им исследование вопрос о том, должна ли Конституция России включать в себя положения о государственной идеологии. Результаты опроса показали, что 34% населения придерживаются точки зрения, согласно которой «никакую идеологию закреплять в Конституции не следует»⁵⁰. В ст. 1.4 проекта Конституции Российской Федерации формулируется положение: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии»⁵¹. Почти такая же формула помещается и в проект Конституции Республики Беларусь⁵².

Авторы, отстаивающие и всячески пропагандирующие данный тезис, по-видимому, полагают, что идеология есть нечто такое, от чего общество может легко и безболезненно отказаться, если на то будет воля народных депутатов. Но идеологические отношения столь же объективны, сколь объективна сама деятельность людей, которая в конечном счете и определяет содержание данных отношений. Идеологические отношения зависят от сознания и представляют собой в этом смысле реальный продукт общественной жизни⁵³. Независимо от нас идеологические установки в той или иной мере неизбежно присутствуют в любом законе, ибо идеология — не прихоть тех или иных законодателей, а объективная, а потому и неизбежная форма осознания социальных процессов и отношения к ним. Ю. Феофанов,

⁴⁸ Мамут Л. С./Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 14; Обсуждение проектов новой Конституции РСФСР в Институте государства и права//Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 46, 47, 50 и др.

⁴⁹ Есть у Конституции отцы//Народная газета. 1990. 6 нояб.

⁵⁰ Народ руководствуется здравым смыслом//Известия. 1991.25апр. * Научная корректность, профанация подобных опросов не поддается здравому смыслу. Сугубо научную, в известной степени специальную проблему нельзя решать путем опроса населения или голосованием.

⁵¹ Аргументы и факты. 1990. № 47.

⁵² Народная газета. 1992. 22 жніўня.

⁵³ Плетников Ю. К./Филос. пауки. 1973. № 2. С. 25.

пытаяющийся показать, что «привнесение в правотворческий процесс идеологических догм и штампов... это все равно, что некую с большим трудом полученную величину, некое положительное число умножать на ноль», тем не менее исходит в своих рассуждениях из того положения, что «от своего мировоззрения ни один парламентарий, как и любой другой человек, освободиться не может»⁵⁴. Но если парламентарии и их избиратели не свободны от определенного мировоззрения, в том числе от догм и штампов, то как же можно освободить от идеологии правотворческий процесс?

На более высоком теоретическом уровне тезис о «деидеологизации» Конституции отстаивает Л. С. Мамут. В то же время он признает, что проект Конституции Российской Федерации зиждется на прочных идеальных основах, которыми, по его мнению, являются выстраданные и выверенные человечеством в ходе истории всей мировой цивилизации универсальные гуманистические ценности, нормы, идеалы⁵⁵. Правда, при обсуждении проектов Конституции Российской Федерации в Институте государства и права АН СССР он уточнил свою позицию и утверждал, что проект Конституции «носит либерально-социалистический характер»⁵⁶. Аргументируя свою позицию, Л. С. Мамут выводит отрицание любой официальной государственной идеологии из признания и конституционного закрепления принципа политического плюрализма.

Ошибочность позиции Л. С. Мамута состоит, во-первых, в том, что идеология либерального социализма не тождественна универсальным гуманистическим ценностям, имеет иную социальную опору в обществе, иные цели и идеалы. Во-вторых, признание принципа политического плюрализма не означает отрицание любой официальной государственной идеологии. Из признания принципа политического плюрализма логично вытекает признание многопартийности, борьбы за власть в цивилизованных формах, в рамках действующей системы законов. И подобно тому, как политический плюрализм и многопартийность не отрицают единства и целостности государства, а свобода слова и убеждений предполагает своим следствием множество

⁵⁴ Феофанов Ю./Известия. 1990. 7 марта.

⁵⁵ Мамут Л. С./Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 14—15.

⁵⁶ Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 47.

идеологических систем, они не отменяют единой для всего общества официальной государственной идеологии. Закрепление в Основном законе единственной возможной в условиях классового общества единой для всего общества, универсальной формы его бытия и официального представительства — государства, которое само является идеологической силой⁵⁷, с неизбежностью приводит к тому, что в любом классовом обществе с множеством идеологий функционирует единая для него официальная государственная идеология.

Претензии авторов проекта Конституции Российской Федерации на ее деидеологизацию означают лишь отрицание ранее признаваемой в обществе в качестве официальной государственной идеологии социалистической (коммунистической), стремление провозгласить в качестве официальной иную идеологическую систему. За лозунгом деидеологизации Конституции вырисовываются контуры нескольких классических конституций капиталистических государств со всей их идеологической атрибутикой⁵⁸. В классовом обществе законодательство всегда пронизано определенной идеологией; каждая его составная часть, а тем более такая, как Конституция,— это определенный континуум мыслей, взглядов⁵⁹.

Идеология есть прежде всего внутренне согласованное и логически стройное, систематизированное и концептуальное знание. Она включает в себя также ценности, нормы, идеалы, программы действия⁶⁰. В то же время идеология (причем любая!) отражает положение человека в обществе, определенных социальных групп, наций и т. д., способствует выражению и реализации их интересов, достижению поставленных целей. Важно отметить, что связь идеологии с интересами была установлена задолго до появления марксизма. «Вот чем объясняется,— подчеркивал Т. Гоббс,— что учения о праве и несправедливости постоянно оспариваются как пером, так и мечом, между тем как учения о линиях и фигурах не подлежат спору, ибо истина об этих последних не

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 311.

⁵⁸ Михалева Н. А./Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 37; Сов. государство и право. 1991. № 3. С. 50.

⁵⁹ Чернобель Г. Т. //Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. № 45. М., 1989. С. 5.

⁶⁰ Яковлев М. В. Идеология. М., 1979.

задевает интересов людей, ни сталкиваясь ни с их честолюбием, ни с их выгодой или вожделениями. Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»⁶¹.

Понятия суверенного, демократического, социального правового государства, которыми оперируют авторы проекта Конституции Российской Федерации, безусловно, затрагивают в той или иной мере интересы людей, выражают идеалы, к которым стремится общество, они лежат в основе определенных юридических процедур и механизмов. Но если эти понятия лежат в основе проекта Конституции Российской Федерации, пронизывают все его содержание, то вправе ли мы считать, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии. Если Конституция государства создается не для декорации, является действующей, обязательной для всех граждан, учреждений, организаций и государства в целом, то процесс ее реализации (осуществления) означает уже сам по себе, что в соответствующем государстве определенная идеология не просто устанавливается в качестве официальной государственной идеологии, но еще и защищается всей мощью данного государства.

Таким образом, вопрос заключается не в том, быть или не быть какой-то идеологии официальной государственной, а в том, какой должна быть официальная государственная идеология. Будет ли это идеология узоклассовая, воинственная, отрицающая право на существование иных мировоззрений и взглядов (мнений) или такая система взглядов, ценностей, идеалов и норм, которая бы на практике обеспечивала равные права и возможности граждан, их групп и объединений независимо от их взглядов, социального, национального, имущественного и иного положения в обществе и гарантировала развитие его на принципах подлинно правового государства.

Тезис о деидеологизации Основного закона и законодательства в целом

⁶¹ Гоббс Т. Избр. произведения. Т. 2. М., 1964. С. 132—133.

обосновывается тем, что «никакая совокупность взглядов или ценностей не может никому навязываться»⁶². Представляется, однако, что есть такие ценности, взгляды, нормы, которые непременно навязываются или должны навязываться в любом обществе. И делается это не потому, что в этом заинтересованы отдельные группы людей (классы), а вследствие особой природы ценностей, взглядов и норм, потому что они интегрируют все общество в целом, обеспечивают его целостность и жизнедеятельность, являются его своеобразными «кровеносными сосудами», без нормального функционирования которых невозможно бытие общества как такового. Иными словами, речь идет о том, что принято сейчас считать общечеловеческими ценностями, вечными императивами, которые должны быть навязаны именно всему обществу, всей его структуре. На функцию идеологии как организационного орудия людей одним из первых обратил внимание А. А. Богданов⁶³. Современные конституции независимо от социального типа не могут не закреплять присущих всему обществу ценностей и интересов, имеющих общее значение для всех классов и социальных слоев⁶⁴.

Необходимость государства и права в классовом обществе, закона, единства прав и обязанностей, соблюдения элементарных правил гигиены и санитарии — эти и многие другие подобные им ценности, нормы и взгляды составляют «родовую пуповину» бытия любого общества независимо от того, признаются они теми или иными членами или группами (слоями), классами общества. Во имя сохранения целостности общества они должны и будут всегда навязываться его членами в той или иной форме, так как они способны интегрировать общество и направить активность его различных социальных структур в русло общих целей социального исторического прогресса⁶⁵.

К элементам, входящим во все правовые системы, можно отнести также священный характер человеческой жизни, святость кровных уз, различие «моего» и «твоего», принудительную силу данного обещания, некоторые элементарные

⁶² Кудрявцев В. Н./Правда. 1990. 26 окт.

⁶³ Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 324.

⁶⁴ Эбзеев Б. С./Сов. государство и право. 1990. № 12. С. 4.

⁶⁵ Там же. С. 5.

обязанности человека по отношению к другим людям⁶⁶.

Можно по-разному относиться к тому или иному политическому режиму, государству, праву, закону, но обойтись без них не в состоянии ни одно классово организованное общество. Любая серьезная идеология формулирует свое видение этих реальностей, но не может не принимать их во внимание. Ни один отдельно взятый класс, та или иная социальная группа людей не вольны решать, быть или не быть государству, праву, закону⁶⁷.

Наряду с классово ориентированными, национальными и т. п. системами идеологий есть универсальная система взглядов, ценностей, норм, в которых выражается самоценность общества, государства и права как таковых независимо от их конкретных форм бытия. И чем полнее будут выражены эти ценности и взгляды в Конституции государства, тем ближе она будет к тому, чтобы стать действительно Основным законом общества и государства. В Конституции должен содержаться тот оптимум идеологии, тот остаток взглядов, ценностей, идей, который не растворяется ни в одной из действующих в данном обществе и сориентированных на какую-то его часть, но не все общество в целом, идеологии. Данный оптимум нельзя заимствовать, привнести извне, он следствие долгого развития, эволюции взглядов, норм, ценностей именно того или иного конкретного социума. Задача науки в том и состоит, чтобы на основе исторического опыта конкретного общества найти оптимум идеологии, сформулировать те идеи, ценности и нормы, которые будут приняты всем обществом и смогут лечь в основание Конституции государства.

Текущие законы находятся, с одной стороны, в силовом поле общегосударственной идеологии, сформулированной в концентрированном виде в Конституции государства, а с другой стороны, под воздействием иных систем идеологий, в особенности той, которая взята на вооружение партией или партиями, составляющими большинство в законодательном органе (парламенте). В этом плане возникает весьма важная проблема взаимодействия различных систем идеологий,

⁶⁶ Вильсон В. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М., 1905. С. 535.

⁶⁷ Мамут Л. С. Проблемы теории государства в современной идеологической борьбе. М., 1976. С. 21.

идеологических установок, подходов в законотворческом процессе.

В самом общем плане можно сформулировать положение, согласно которому ни одна из существующих в обществе систем идеологии не может подменять собою общегосударственную идеологию. Возможные попытки такой подмены должны быть надежно блокированы различного рода конституционными и иными государственно-правовыми механизмами. Особая роль здесь должна принадлежать органам конституционного надзора (или конституционным судам), которые призваны следить за соответствием текущего законодательства не только букве, но и духу, идеологии Конституции.

В то же время нельзя отрицать и того очевидного факта, что в текущем законодательстве в той или иной форме выражаются и закрепляются идеологические установки парламентского большинства. Важно, чтобы эти идеологические установки, выраженные в текущем законодательстве, не отменяли и не подменяли идей и принципов, сформулированных в Конституции (Основном законе) государства. Понятно, что текущее законодательство, в котором формулируются идеологические установки политических сил центристского толка, сил, придерживающихся идеологических доктрин, близких по своему содержанию к официальной государственной идеологии, имеет большую стабильность. И наоборот, законодательство, в котором находят выражение идеи радикально настроенных кругов общества или же идеи крайне консервативного толка, обычно подвергаются реформированию значительно чаще, их стабильность, как правило, невелика. Такие законы подвергаются изменению сразу же после смены правящего большинства в законодательном органе⁶⁸. Чем дальше были идеологические установки предыдущего парламентского большинства от идей общегосударственного характера, тем глубже будут и реформы законодательства.

Идеологические концепции, заложенные в Конституцию государства, обладают определенным «полем» подвижности, т. е. допустимыми рамками их развития и изменения. Законодатель призван действовать в этих и только в этих рамках.

Реформирование текущего законодательства, таким образом, вызывается

⁶⁸ Богдановская Ю. Б. Закон в английском праве. М., 1987. С. 14—15.

не только тем, что оно морально устаревает, и не только тем, что существенным образом изменились регулируемые им общественные отношения. При в общем-то прежнем характере и содержании общественных отношений реформы законодательства, правда, разной степени глубины проводятся в многопартийных политических системах парламентским большинством.

Каким же образом логически непротиворечивый закон оказывает регулирующее воздействие на противоречивые социальные процессы?

В юридической литературе высказано несколько точек зрения по данному вопросу. Если отвлечься от отдельных, несущественных для понимания сути вопроса деталей, то суть высказанных соображений выглядит следующим образом. Первая позиция состоит в том, что из двух сторон объективно возникшего противоречия закон должен непременно защищать и поддерживать ту, которая состоит из общественных интересов, личные же интересы закон призван защищать лишь в той мере, в какой они не противоречат интересам общественным⁶⁹. Суть второй точки зрения сводится к прямо противоположным утверждениям. Р. Е. Гукасян считает, что правовое регулирование во всех случаях должно быть ориентировано в конечном счете на личные интересы, так как в механизме правового регулирования ведущее место принадлежит им⁷⁰.

Эти две крайние точки зрения имеют вместе с тем то общее, что исходят по сути дела из одного методологического принципа, суть которого И. Ф. Рябко выразил так: «Позитивное право закрепляло и охраняло одну из борющихся противоположностей в жизни общества, одно из состояний общественного противоречия»⁷¹.

Известным компромиссом между двумя изложенными выше точками зрения является позиция Н. Н. Деева и Р. П. Шарафетдинова, которые полагают, что в правовом государстве закон служит основой для разрешения противоречий и конфликтов путем особой конституционной процедуры согласования в нем многообразных

⁶⁹ Баймаханов М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. С. 280; Сурилов А. В. Теория государства и права. Киев; Одесса, 1989. С. 286—287.

⁷⁰ Гукасян Р. Е.//сов. государство и право. 1990. № 3. С. 113.

⁷¹ Рябко И. Ф. Правосознание и правовое воспитание. Ростов/Д., 1969. С. 94.

социальных интересов и придания доминирующем из них статуса всеобщей государственной воли⁷².

Б. С. Эбзеев применительно к Конституции государства высказал точку зрения, согласно которой Конституция может и должна выступать в качестве юридически узаконенного баланса интересов всех классов и социальных слоев советского общества, а также наций и этнических групп, образующих единую государственно-правовую общность⁷³.

На наш взгляд, для правильного ответа на данный вопрос следует исходить из того положения, что закон как акт-документ не может претендовать на разрешение социальных противоречий, так как он относится не к сфере сущего, а к сфере должного. Реализация же непротиворечивого должного, которое формулируется путем препарирования реальных общественных отношений, приводит к тому, что закон просто не в состоянии обеспечить реализацию возможных тенденций общественного развития⁷⁴, связаны ли они с доминированием личных либо общественных интересов. Если даже теоретически предположить, что законодатель встал бы на те позиции, суть которых сводится к доминированию личных либо общественных интересов, то тем самым в законодательстве создавались бы «правовые основы» для гражданской войны, так как действия, направленные на разрешение противоречий общественной жизни таким способом, всегда направлены против действия других людей, других видов деятельности⁷⁵.

Теория «баланса интересов» помимо всего сказанного и присущего и ей недостатка во взглядах на закон как средство выражения противоречивых интересов имеет тот изъян, что в реальной действительности баланс интересов держится очень непродолжительное время, постоянно колеблется, зависит от очень многих факторов и обстоятельств. Даже не теоретические и практические сложности, которые возникают при построении *баланса интересов*, а его относительность, текучесть, постоянная изменчивость привели бы законодателя к неразрешимым противоречиям,

⁷² Деев Н. Н., Шарафетдинов Р. Ш./Сов. государство и право. 1989. № 4. С. 4.

⁷³ Эбзеев Б. С./Сов. государство и право. 1990. № 12. С. 4.

⁷⁴ Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 53.

⁷⁵ Борщев С. Г./Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1968. С. 23.

необходимости перманентного совершенствования законодательства вследствие изменения в балансе интересов.

Следует иметь в виду, что внутри исходной формы развития противоречие неразрешимо, что оно находит свое разрешение в порождении новой, более высокой и сложной формы развития⁷⁶, т. е. нового противоречия. Разрешить реальное противоречие в общественных отношениях — это значит изменить, преобразовать эти отношения таким образом, чтобы на месте старых отношений появились обремененные иными противоречиями новые отношения. При такой постановке вопроса становится понятно, что для закона миссия разрешителя противоречий непосильна. Возникающие естественно-историческим путем, в процессе повседневной борьбы и сотрудничества противоречия в общественных отношениях и преодолеваются всем ходом практической деятельности людей.

Центральная проблема в разрешении противоречий общественных отношений, если исходить из эволюционного, а не революционного понимания исторического процесса, состоит в соединении, сочетании противоположных интересов⁷⁷, в создании условий для равнодействия противоположностей⁷⁸, в поддержании их в рамках относительного соответствия, недопущении того, чтобы противоречия «выползали-наружу» в виде резкой диспропорции или конфликта⁷⁹.

Для законодателя эти философские положения означают, что он призван найти в реальной действительности и сформулировать на языке закона правила, конструкции и формы движения и разрешения реальных жизненных противоречий, такие формы, которые бы держали противоречия в «границах порядка». С появлением новых, неизвестных ранее обществу противоречий должны быть сформулированы и новые формы, в которых будут разрешаться противоречия. Но чаще всего богатый опыт исторически противоречивого развития общественных отношений уже когда-то выработал такие цивилизованные формы движения и разрешения противоречий.

⁷⁶ Ильинков Э. В. Диалектическая логика. М.-, 1984. С. 269.

⁷⁷ Противоречия как внутренний источник и движущая сила развития социализма//Филос. науки. 1981. № 1. С. 7.

⁷⁸ Борщев С. Г. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. С. 23.

⁷⁹ Косицина Ф. П. // Филос. науки. 1988. № 11. С. 6.

И законодатель их может широко использовать. Преемственность, заимствование в законотворчестве оказываются возможными именно потому, что формы движения социальных противоречий, открытые в свое время законодателями различных эпох и народов, не имели непосредственной связи с интересами отдельных групп, социальных слоев людей. Те же юридические конструкции, в которых выражались и выражаются (есть, безусловно, и такие в любой правовой системе) откровенно или в завуалированной форме чьи-то интересы, имеют конкретно-историческое значение и теряют свою ценность с изменением социальных условий бытия общества.

Таким образом, функция закона в регулировании социальных противоречий состоит не в том, чтобы выразить и закрепить чьи-то интересы, придать им доминирующий характер или подводить балансы интересам, а в том, чтобы создать оптимальные рамки для нормального процесса выражения, согласования и разрешения противоречий между реальными интересами.

Создавая формы, процедуры, механизмы разрешения противоречий, законодатель как бы устанавливает в обществе те незримые барьеры между борющимися в обществе социальными силами, индивидами, их объединениями, перешагнуть через которые никто не имеет права без того, чтобы не нарушить естественный ход развития социальных процессов. В означенных формах выражается своего рода «...социальный договор, где знание, соединяясь с добровольностью признания нормы, сближает устанавливаемую связь людей с коллективным разумом, сознательностью»⁸⁰.

Всеобщность закона в означенном выше смысле, его авторитет и верховенство как раз и состоят в том, что именно в законе, сформулированном избранными всем народом представителями, и закрепляются универсальные, общие для данного сообщества, формы, механизмы и процедуры разрешения всего многообразия социальных противоречий. Ни один из источников права, иных видов нормативно-правовых актов не может претендовать с точки зрения представленных в нем мнений членов общества на единые для всех, универсальные средства легального разрешения конфликтов. Это под силу только закону — акту, издаваемому высшим органом законодательной власти.

⁸⁰ Пеньков Е. М. // Философ, науки. 1989. № 8. С. 26.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1	
Этимология слова «закон» и очерк истории взглядов на соотношение объективных закономерностей и юридического закона	5
Глава 2	
Соотношение объективного социального закона и закона юридического.....	30
Глава 3	
Юридический закон и законы науки.....	67
Глава 4	
Противоречивость права и логика закона	87

Научное издание

СИЛЬЧЕНКО Николай Владимирович

**ЗАКОН
Проблемы этимологии,
социологии и логики**

Заведующий редакцией *А. И. Валаханович*
Редакторы *Р. В. Смоляк, Б. А. Рогозянский*
Художник *В. Л. Жаховец*
Художественный редактор *В. В. Савченко*
Технический редактор *Г. И. Якубовская*
Корректор *Л. С. Егоренкова*

Сдано в набор 18.11.92. Подписано в печать 04.02.93. Формат 84Х108'/32. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,30. Усл. кр.- отт. 6,62. Уч.-изд. л. 6,63. Тираж 1000 экз.

Зак. № 1152. Цена 20 р.

Издательство «Навука і тэхніка» Академии наук Беларуси и Министерства информации Республики Беларусь. 220141. Минск, Жодинская, 18. Типография им. Франциска Скорины издательства «Навука і тэхніка». 220141. Минск, Жодинская, 18.